

к 500-летию казанской царицы Сююмбика

главы из романа

Ольга Иванова

Сююмбика

*Продолжаем публиковать отрывки из трилогии
Ольги Ивановой «Повелительницы Казани».
В предыдущих выпусках мы давали главы
из романов «Нурсолтан» и «Гаухаршад».
Сегодня знакомим читателя с главной героиней
третьей книги – «Сююмбика»*

Часть IV

Глава 11

ДЖИЕН пришёл в Казань в солнечный пятничный день. Любимый праздник ждали с нетерпением, столица уже накануне переполнилась гостями, прибывшими издалека. Ближние родственники казанцев, проживавшие в окрестных селениях, съезжались поутру. По улочкам и слободам разносился весёлый скрип деревянных колёс, кони, украшенные яркими лентами, тащили арбы и подводды, позванивая вплетёнными в густые гривы колокольчиками. В повозках чинно восседали нарядные мужчины и женщины. Рядом дети, словно воробышки, щебетали и крутили головами, им никак не сиделось на месте. Молодые снохи не могли сдержать радостных улыбок, поглядывали по сторонам, узнавая родные места, но не забывали следить за корзинами с угощением. А в корзинах завернутые в вышитые полотенца пышные лепёшки, пироги со сладкой начинкой, тушки вяленых гусей, истекавший мёдом бавырсак. Готовились угощения женщинами загодя, и везли их снохи в родительский дом, откуда ушли совсем недавно. Шла их семейная жизнь в соседних аулах и даругах, но везли они к родному порогу сладкую выпечку, что говорила сама за себя: «Хорошо мне живётся с избранным мужем, сладок сон в приветливом доме, храним Всевышним мой покой».

В слободах слышался оживлённый говор, широко распахивались ворота для дорогих гостей, и приветствия звучали отовсюду. В домах сородичей ожидали накрытые дастарханы, девушки выносили тазы и кумганы с водой, предлагали освежиться с дороги, смыть пыль и усталость от долгого сидения в арбе.

Ещё до полуденного моления народ повалил на Ханский луг. Гости из аулов устраивались на траве, расстилали скатерти со снедь. Степняки из Ногаев и хаджитарханских земель выделялись шатрами, составленными в круг. Внутри круга выстилали белый войлок, рассаживали всех представителей рода от мала до велика.

Сююмбика-ханум в окружении свиты проходила меж радующихся, принаряженных людей. Тут и там встречались давно не видевшие друг друга родственники. Старики обнимались, вытирали скупые слёзы, зрелые мужчины сдерживались, степенно кивали, в знак приветствия одобрительно похлопывали друг друга по плечу. А женщины хвалились детьми, вылавливали их по одному из шумных, с визгом носящихся по поляне ватаг. Казанскую ханум узнавали повсюду, кланялись ей. Старейшины рода почитали госпожу радушными приветствиями, их подхватывали десятки голосов. Перед каждым кругом Сююмбика оставалась, прижимала руки к груди и приветствовала кого почтительным кивком, а кого доброжелательной улыб-

кой и гостеприимными словами. Бунчук ногайского рода, который вёл корни от легендарного Идегея, ханум заметила издалека. С лёгким волнением вошла Сююмбика в круг близких ей по крови ногайцев, низко поклонилась, так что на голове качнулся высокий калфак, расшитый золотом и жемчугами. Навстречу поднялся старейший мурза Байтеряк и протянул госпоже традиционную чашу с кумысом. Эта древняя деревянная чаша с неровными, будто обгрызенными краями хранилась в роду, как самая ценная реликвия. По преданию из неё пил сам Идегей. С суеверным трепетом Сююмбика приняла чашу, приникла губами к почерневшему от времени дереву, ощутила знакомый кисловато-жгучий вкус ногайского кумыса. Не пила она никогда напитка более желанного и вкусного, и старая эта чаша, овеянная славой легенд, придавала привычному кумысу вкус волшебный и пьянящий. Дочь Юсуфа пила и не могла насладиться вдосталь.

А впереди уже раздавались громогласные призывы, глашатаи собирали борцов и зрителей на борьбу курэш:

– Курэш! Начинается битва сильнейших батыров!

– Спешите на майдан!

Казанская госпожа поторопилась в ханский шатёр, но в роскошном при-

станище повелителя нашла лишь жён и детей Сафы. Она опустилась на ковёр к щедрому дастархану, приняла из рук аякчи¹ кубок с вишнёвым шербетом, незаметно склонилась к оказавшейся рядом хатун:

– Фируза-бика, повелитель не появлялся?

Младшая жена покачала головой:

– Говорят, отправился с крымцами на охоту.

– Это в Джиен?! – изумилась Сююмбика. – Кто же будет вручать призы лучшим батырам и джигитам?

Ей уже не сиделось в шатре, до беспечного ли времяпровождения, когда царственный супруг презрел любимейшее у казанцев празднество. Она хотела поспешить в Кабан-Сарай, где Сафа-Гирей предавался азартной охоте. Думала броситься в ноги властительному супругу и умолять не оскорблять казанцев и их гостей своим отсутствием. На берегу гарем повелителя ожидал роскошный струг с беседкой из стеклянных витражей, ханум думала отправиться к охотничьей резиденции на нём, но увидела скачущих всадников. Впереди, погоняя белоснежного жеребца камчой, мчался Сафа-Гирей. Она издалека сердцем

¹ Аякчи – прислужник, раздающий напитки, виночерпий.

От автора

Из истории Казани: Сююмбика

Приблизительно в эти годы, пять веков назад, в Ногайской Орде у могущественного владетеля улуса Юсуфа родилась дочь, которую называли Сююмбикой. Девочке этой предстояло сыграть видную и трагическую роль в судьбе большого и сильного государства. Её жизнь прозвучала печальным аккордом конца эпохи великого Казанского ханства.

Но в тот год, когда её, юную, пятнадцати лет от роду, везли в Казань для вступления в брак с семнадцатилетним ханом Джан-Али, Сююмбика не могла предугадать, как сложатся их отношения. Должно быть, брак виделся ей гармоничным и лучезарным. Не всем степным князьям светил союз с правителем такого богатого и обширного ханства с его каменными

угадала любимого. Хан, как влитой, сидел на великолепном скакуне, и сам он был красив, словно Юсуф из обожаемой ею поэмы. Сююмбика прижала руки к груди, она безмолвно наблюдала, как повелитель спрыгнул с коня, бросил поводья нукеру, взглянул в её сторону, но не подошёл, только коротко кивнул в знак приветствия. Глаза ханум налились невольными слезами, но она не позволила им пролиться, лишь смотрела вслед Сафа-Гирею и его крымцам, быстро исчезающим в праздной толпе. Необъяснимое отчуждение, разлучившее супругов в последние дни, не исчезло, а Сююмбика так надеялась, что прекрасный праздник вновь сблизит их, рассеет чёрные тени, которые нависли над ними. Она не позволила себе предаваться печали, статус старшей госпожи призывал оставаться хозяйкой Джиена, и Сююмбика, скрепив сердце, отправилась на курэш.

Бек Тенгри-Кул раскинул свой шатёр неподалёку от майдана. Айнур склонила голову, чтобы не задеть высоким головным убором полог, и выбралась на поляну. Её кайната¹, ханский улу-ильчи² Тенгри-Кул, и супруг, мурза Данияр, разглядывали жеребца в окружении любопытных зевак. Бек выставял красавца-ахалтекинца на скачки, и Айнур задержалась полюбоваться конём. Великолепного этого скакуна привезли из далёких пустынь, где проживало племя

¹ Кайната (тат.) – свёкор

² Улу-ильчи – глава дипломатического корпуса.

огузов-теке³. Издавна через их барханные земли проходили караванные пути, и семя древних бактрийских лошадей, жеребцов персидских, ассирийских и египетских земель примешивалось к благородной крови аргмака. Всё лучшее вобрал ахалтекинец в себя, стал он гибок, быстр, вынослив, резв и благороден. Айнур была рада, что беку удалось приобрести для скачек этого жеребца, а иначе её супруг собирался участвовать в состязании на гнедом карабахе. Горбоносый горячий скакун пугал нежную жену мурзы, и не раз она вспоминала, какая молва ходит о карабах: «Кто едет на горбоносом коне – идёт в открытую могилу». От скакуна внимание Айнур отвлек вездесущий Хайдар. Братишка слышал призывы на курэш, затаил потуже кушак и устремился к майдану. Айнур на ходу перехватила мальчика:

– Подожди меня.

Хайдар с видом мужского превосходства покосился на сестру:

– Не дело женщины смотреть на мужчин, оставайся с ребёнком.

Айнур засмеялась, потянула сорванца за ухо.

– Мой сыночек спит, и за ним смотрят няньки. А ты ответишь за свою дерзость!

Хайдар неувловимым движением вывернулся, споро поднырнул под руку сестры и был таков. А Айнур, забыв о своём положении, как девчонка, бросилась вслед за ним и налетела на важного вельможу. Смеясь, она поправила

³ Огузы из племени теке – туркмены-текинцы.

городами и великолепными базарами, плодородными землями и полноводными реками. Но, как свидетельствует переписка тех времён, дочь Юсуфа не нашла счастья в браке со своим первым мужем. Хан Джан-Али подвергал её унижениям и не даровал привилегиями, которые полагались первой ханше государства. Спустя два года в результате переворота Джан-Али был убит, и на трон Казани был приглашён крымский солтан Сафа-Гирей, уже однажды возглавлявший ханство, но изгнанный правящей верхушкой страны.

Новый хан Сафа взял вдовствующую ханум в жёны. И случилось то, что крайне редко происходило в царственных кругах: брак был заключён по обоюдной горячей любви. Для Сююмбики наступила пора расцвета. В эти

сбившийся калфак, но слова извинения замерли на устах. Айнур побледнела, обмерла, но никак не могла оторвать взгляда от сузившихся глаз Мухаммад-бека. Он узнал её сразу, и напрасно молодая женщина поторопилась прикрыть покрывалом пухлые губы и точёный подбородок. Быстрым взглядом бек окинул богатые одежды Айнур, поймал за руку и зашептал с жаром:

– Вот где ты укрылась от меня, желанная! Но я доберусь до тебя, от Мухаммад-бека никто не спрячется, даже за порогом знатности и могущества...

Она вырвалась, бросилась к шатру и укрылась за пологом, пытаясь унять стук рвавшегося из груди сердечка. В шёлковой обители царил покой, нянька покачивала расписную зыбку, ласково напевала колыбельную. Даже с порога Айнур была видна тёмная головка сына Акморзы. Мальчик родился полгода назад, и уже сейчас бек Тенгри-Кул называл его продолжателем славного древнего рода. С тех пор, как Айнур поселилась в доме улу-ильчи, она позабыла о страшившем её Мухаммад-беке. Тенгри-Кулу удалось отбить семью Айнур от нукеров влиятельного сановника и укрыть в своём поместье. Только недавно они вернулись в Казань, посчитали, что опасность миновала. А оказалось, беда не ушла, она выжидала, ходила кругами и вот настигла беспечную жертву. Айнур всхлипнула. Она не знала, как поведает о случившемся мужу, но сказать следовало. А может, стоило вновь укрыться в поместье улу-ильчи от вездесущего волчьего взора могущественного похитителя? Айнур более не рискнула покинуть

шёлковое пристанище, так и сидела у колыбели сына, грустила и предавалась печальным мыслям. А за пляшущими на ветру стенами шатра уже начиналось состязание батыров.

Под улюлюканье толпы на майдан вышло полсотни пар. В одних шароварах с обнажёнными мускулистыми торами борцы, пригнувшись и зажимая в руках широкие пояса, двинулись друг к другу. Зрители восторженно закричали, замахали руками, они торопились поддержать своих любимцев, выказать им свою поддержку. Первая схватка была яростной, но недолгой. Победители остались в кругу, побеждённые отошли в сторону. Ещё схватка – и опять круг сузился наполовину, выпуская с майдана побеждённых. Не прошло и часа, как в кругу остались два борца – казанский воин Кориычтимер и ногаец Айтуган-батыр. Борцы долго примерялись друг к другу, ходили по кругу, делали молниеносные, обманные броски и тут же отскакивали. Толпа, не в силах сдерживаться, оглушительно свистела и редела. Наконец терпения не хватило у степняка, Айтуган ринулся на казанца и сжал его в страшных объятиях крепкого пояса. Синими буграми вздулись жилы на шее батыра, пот катился крупными горошинами по лицу и спине. Казалось, победа ногойца совсем близка, но никто и не понял, как, словно скользкий угорь, вырвался из объятий Айтугана Кориычтимер. Молниеносный бросок – и ногаец на спине. Толпа взорвалась криками, даже голосистые карнаи не могли перекрыть восторгов казанцев и разочарований кочевников.

годы в Казанском ханстве особо отмечался благоприятный период для развития всех искусств, градостроительства, поэзии. Это время творений великого Мухаммадьяра, которому Сююмбика особо покровительствовала. В Казани она славилась как благодетельница, радеющая о благополучии и просвещении народа, и щедрая покровительница поэтов. Под её рукой изысканные искусства и творческие начала раскрывались во всей своей красе. Это был период, который можно смело назвать золотым веком страны. Но эти же годы процветания и независимости дали толчок к заложенному ещё ранее процессу падения государства, обострению тех причин, которые, в конце концов, и привели Казанское ханство к гибели.

А вдали уже призывно забили барабаны, глашатаи бросили в небо резкие призывы, начинались скачки, и народ зазывали на главное развлечение Джиена...

Глава 12

Казанская ханум вернулась во дворец одна, повелитель после скачек вновь отправился в Кабан-Сарай. Сююмбика подошла к распахнутому окну. Буйствующий в летнем цветении сад зазывал прохладой тенистых беседок, манил каменными тропами, теряющимися в таинственных поворотах. Где-то там, в густой зелени лиан, притаился грот, созданный искусными руками зодчего из земель лясских. Сафа-Гирей лично следил за созданием тайного уголка, чтобы однажды поразить свою любимую.

Сююмбика прикрыла глаза, как же явственно ей вспомнился тот вечер, когда гаремный ага принёс госпоже изысканное приглашение. Разлука была невыносимо долгой, Сафа-Гирей с весны уехал с инспекцией по даругам, а по прибытии зазвал ханум в ночной сад. Мечтавший поразить любимую, хан был неистощим на выдумки, и она, едва нога ступила на садовую дорожку, услышала печальную, завораживающую музыку флейты. Огоньки разноцветными светлячками указывали путь к гроту, и женщина отправилась по нему, едва удерживая трепет от предвкушения встречи с супругом.

— Любимый, — шептала она, — как же я соскучилась, любимый мой.

Ханум всё убыстряла шаг, пока не увидела грот, расцвеченный китайскими фонариками. А флейта не утихала, плакала и зазывала. Она огорчилась, увидев сквозь кисею занавеси лишь одного флейтиста, в гроте, кроме музыканта, не было никого. Должно быть, она слишком торопилась на встречу, на которую повелитель вовсе не спешил. Сююмбика замешкалась на входе, но ага низко поклонился и откинул кисею, приглашая госпожу войти. Уют каменному гроту придавал горящий камин, непривычный для восточного глаза, и раскиданные по полу шкуры, мягкие с длинным ворсом, удивили ханум. Здесь не было ничего знакомого, обыденного для дворцового быта, только облик флейтиста в накрученной чалме напоминал, что Сююмбика находится в ханском саду, а не в заморской стране. Музыкант опустил флейту, склонил голову, она не смотрела на него, а он вдруг заговорил низким, чувственным голосом:

Сто тысяч раз кинжал любви
 полосовал мне тело,
Разлука бросила в шипы,
 в сто тысяч ран одела.
Но даже и среди шипов, тебя благословляя,
О нежном аромате роз влюблённо
 сердце пело.

Сююмбика в гневе свела брови, хотела оборвать дерзкого, а встретились со смеющимися глазами мужа. Он откинул флейту и подхватил её, бросившуюся к нему, на руки:

— Накажи несчастного влюблённого, повелительница! Брось его сердце в огонь этого очага, спали дотла его душу,

Счастливый брак Сююмбики и Сафа-Гирея омрачался лишь отсутствием детей. Прошло около десяти лет, прежде чем царица смогла подарить любимому мужу сына, названного Утямышем. И именно его, в обход двух старших сыновей от брака с ханшей Фатимой, Сафа-Гирей провозгласил своим наследником. Он словно предчувствовал свою раннюю смерть, которая случилась на 42-м году жизни. Маленький Утямыш-Гирей стал ханом в три года, а Сююмбика была провозглашена регентшей государства.

В крайне сложное время пришлось ханум взять в руки бразды правления. С одной стороны стояли всем недовольные казанские князья, которым не нравилось, как крымец Сафа управлял страной; с другой — сгущались тучи на

но дай, Сююм, насладиться сладостью твоих губ...

Сююмбика вздохнула. Та встреча случилась в начале лета, сейчас же летняя пора катилась к закату, но не успели остыть в памяти ханум горячие ласки мужа в том созданном по воле любви гроте. Минуло лишь два месяца, а Сафа перестал смотреть в её сторону. Ханум предприняла тайное расследование, допросила евнухов, прислужниц и не нашла за словами слуг счастливой соперницы. Женщины на ложе господина не задерживались подолгу, повелитель никого из них не выделял. Оставалась лишь одна соперница – власть, которую Гирей так боялся потерять. Только этим могла объяснить ханум внезапное охлаждение супруга. Повелителю, опасавшемуся смут и переворота, стало не до любовных встреч. Госпожа не ведала, как оказалась близка в догадках об истинной причине отстранённости Сафа-Гирея, и как прав был хан, который угадывал за лъстивостью казанских вельмож вероломство созревающего заговора.

Управляющего тайными делами Мухаммад-бека томили раздумья. И беспокоили его не только мысли об участии в готовящемся перевороте, подумывал он о незавершённом деле, которое не давало спокойно спать. Не раз высокая должность бека позволяла проделывать тёмные и незаконные делишки. Он укрывал их за высокопарными словами «сделано во имя интересов великого ханства». Царедворец умело расправлялся со своими личными вра-

гами, присваивал их имущество и пополнял собственную казну крупными взятками и незаконно отнятым товаром у бесправных купцов. Кто мог перечить блистательному Мухаммад-беку, которому покровительствовал сам улукарачи Булат-Ширин, и кто посмел бы противиться, рискуя быть обвинённым в соглядатайстве и измене Казанскому ханству? Бек изощённо продумывал любую интригу. В его остром изворотливом уме рождалась стройная цепь действий, никогда не дающая сбоев. Он мог с лёгкостью прижать богатого торговца и разорить захолустного мурзу. Но сейчас перед ним стоял враг, который не уступал Мухаммад-беку ни в знатности рода, ни в могуществе, ни в своём влиянии на повелителя. Светлейший улукильчи Тенгри-Кул осмелился бросить вызов беку, когда увёл у него добычу, а управляющий тайными делами давно считал её своей. Больше года назад, когда Мухаммад-бек впервые увидел Айнур, бедную сироту, проживавшую в лачуге деда-гончара, он не знал препятствий для обладания прелестным созданием. Вольная дочь Казани, несмотря на свою бедность, не могла уподобиться участи невольницы, но для могущественного бека, не раз преступавшего закон, не существовало невозможного. Неведомыми для вельможи путями бек Тенгри-Кул возвысил дочь гончара до высот, недостойных её происхождения, и посчитал, что этим защитил Айнур от посягательств могущественного сановника.

Мухаммад-бек в раздумье поглаживал крашенную хной бородку; во многом

границах с Московским государством. Молодой царь Иван представлял собой серьёзную угрозу, в Москве за многие десятилетия бесконечных военных конфликтов с Казанью назрело время кардинального решения проблемы. Русских правителей уже не устраивал путь мирных переговоров, они желали в корне уничтожить государство, которое так долго истязало их кровопролитными и разрушительными набегами.

Сююмбике перед лицом этой страшной угрозы не на кого было опереться, кроме оставленной Сафа-Гиреем крымской гвардии во главе с огланом Кучуком. Но крымцы блюли лишь свои интересы, Казань для них была чужой, их грабительское отношение к стране вызывало в казанцах ненависть.

расчёт улу-ильчи был правилен. Беку Тенгри-Кулу стоило только припасть к ногам повелителя с жалобой на управляющего тайными делами, и Сафа-Гирей не преминет воспользоваться давно ожидаемым случаем. Мухаммад-бек был умён и чувствовал неприязнь повелителя ко всем ставленникам улу-карачи Булат-Ширина. Хан не вступал в открытую борьбу, хранил хрупкость перемирия, заключённого с казанским диваном. Но жалоба улу-ильчи на произвол ближайшего человека из свиты ширинского эмира только поможет подставить подножку оппозиции. Жертвой же, положенной на алтарь ханской интриги, мог стать он – Мухаммад-бек. Во что тогда обернётся его могущество, если в борьбе столкнутся сам повелитель и глава дивана?

Но пока Мухаммад-бек бездействовал, и Тенгри-Кул не пытался навредить вельможе. Соглядатаи управляющего тайными делами доносили господину об очередном исчезновении Айнур из Казани. Мог ли бек Тенгри-Кул знать, что никто в столице не минет вездесущего ока управляющего тайными делами. Эту женщину не могли сокрыть и воды Итиля! О, как она влекла его! Мухаммад-бек дёрнул ворот, он чувствовал, что задыхается. Лицо Айнур не исчезало из воображения, оно возникало всякий раз, такое пленительное и незащитное. Она стала ещё прекрасней, девушка превратилась в женщину, которая влекла зрелого вельможу с силой необузданной страсти. Но он заставлял себя быть терпеливым и не совершал безрассудных поступков, шаги эти грозили опасностью, пахли опалой, зинда-

ном, а то и смертью. И управляющий тайными делами затаился, он ждал, делал вид, что равнодушен к дому бека Тенгри-Кула и давно позабыл девчонку из Гончарной слободы. Успокоенная его бездействием и Айнур зажила прежней жизнью. А бек всё ждал.

Столица в эти месяцы кипела страстями, сходными со страстями бека Мухаммада. Ханство – этот аппетитный гусь на золотом блюде – сделалось желанной добычей в среде высокопоставленных властителей. К Казани тянул руки турецкий султан, который желал укрепить над Северной жемужиной ореол своего господства. И послушный воле великого османа крымский хан Сагиб помогал ему. А сколько претендентов, мечтавших о власти над Казанью, таилось в сибирских и ногайских улусах. Да и касимовский ставленник московских князей Шах-Али спал и видел себя на троне казанском. Хана Сафу не покидало ощущение зыбкой почвы под ногами, и он спешил зазвать к себе новых крымцев. Те устремлялись на берега Итиля с семьями и скарбом и приносили с собой лишь знатные имена и славу своих предков. Они прибывали в Казань в ожидании жирного куша, и Сафа-Гирей давал приют всем, одаривал поместьями и землями, отнятыми у казанских вельмож. Своим произволом хан лишь подталкивал нерешительных казанцев к участию в мятеже.

Столица закипала, как большой котёл, недовольства выплёскивались через край, и действия высокопоставленных вельмож не заставили себя ждать. Ханика Гаухаршад и улу-карачи Булат-Ширин в пору великой опасности их бла-

К тому времени и само ханство оказалось в глухой блокаде русских полков: в города больше не приходили караваны, не плыли суда, не скакали гонцы. Даже к отцу с просьбой о помощи не смела воззвать казанская ханум, ведь все её посланники перехватывались на границах.

Да и мог ли в тот период истории кто-либо противостоять русскому царю, стремительно набиравшему силу и опыт? Ногайский беклярбек Юсуф, отец Сююмбеки, и сам предпочитал жить с Иваном IV в мире, опасаясь за свой улус. Не могла дать достойный отпор и Казань, раздираемая противоречиями, несогласованностью правящей верхушки, тяжёлыми последствиями блокады.

гополучию отправили в Москву тайное посольство. Казанцы просили помочь в свержении гиреевского захватчика, и Русь не заставила себя ждать. Давно уже юный великий князь, которого митрополит Макарий умело подогревал своими проповедями, готовился ринуться в битву. На западных границах княжества заключили мирный договор с Литвой, и это развязало руки московского государя. Весной 1545 года Иван IV направил войска на Казань.

В дни ожидаемых потрясений Мухаммад-беку донесли о желании улу-ильчи Тенгри-Кула спрятать своё семейство от тягот осады в вятском поместье. Вот тогда и настал долгожданный беком час. Сотник Тимур, вызванный господином, возник, словно из-под земли.

– Твоё время пришло, – только и произнёс Мухаммад-бек. А пересечённое шрамом лицо военачальника осветила мрачная улыбка. Тимур ждал этого момента, жаждал восстановить утерянное доверие бека. Дочь гончара Айнур стала как кость в его горле, из-за неудачи, связанной с ней, он не раз чувствовал на себе недовольство господина. А вот теперь ей не уйти!

Поклонившись, начальник нукеров спросил:

– Сколько взять людей?

– Тебе известно, какую охрану направили улу-ильчи. Возьми с собой вдвое больше! Не оставляй в живых никого, мне нужна только она, остальных...

Мухаммад-бек помолчал, сверля выжидающее лицо Тимура. Он словно ждал, что верный башибузук сам закончит фразу, но сотник не осмеливался, и

тогда бек произнёс с притворным вздохом:

– В такое смутное время что угодно может случиться.

– Истинная правда, господин, – понимающе кивнул мужчина. – Уруссы идут.

Выйдя за порог приёмной, Тимур расправил плечи, взгляд его вновь приобрёл жёсткость и беспощадность. Он отдал распоряжение властным голосом. Воины поспешно вывели коней, проверили вооружение, вскочили в сёдла, готовые следовать за начальником. Но Тимур остановил чиновника – доверенное лицо самого Мухаммад-бека. Мурза Кутлук всегда служил в канцелярии и не видел ни одной битвы, и сейчас лицо чиновника было в полной растерянности. Господин повелел ему тайно доставить письмо в лагерь приближавшихся урусов, а мурза, умевший показать свою доблесть на пирах и в беседах, сейчас сник, он опасался этой поездки в стан неверных. Кутлук завидел собирающихся нукеров и поспешил к сотнику Тимуру, которого знал как отважного воина.

– Мне дано поручение господина. Я должен следовать в земли черемисов навстречу войску. – Голос мурзы дрогнул, стал совсем тихим: – Мне нужно сопровождение. Вы отправляетесь в дорогу, возьмите меня с собой, юзбаши.

Тимур с презрением сощурился, уловив нотки страха в голосе Кутлука. «Господин дал важное поручение болвану, который может завалить его. Но дело господина и моё дело, возьму этого канцелярского писака с собой. Как только исполню повеление светлейшего бека, сопровожу мурзу». Мысли пронеслись мгновенно, воины уже ожидали

В некоторых трудах наших современников я с удивлением обнаружила оценку событиям того времени. Во всём виноватой авторы сделали Сююмбике, назвали её женщиной развратной, блудливой и властной, из-за которой и случилась катастрофа и падение государства. Достоин сожаления, что авторы этих работ не удосужились изучить все те немногие документы периода Казанского ханства, не обратили внимания, как издалека шла цепь событий, которая и привела к трагическому концу. Правление Сююмбике пришлось на время неизбежной развязки, когда спасти ханство можно было, – если это вообще было возможно, – лишь общими слаженными усилиями. А взаимопонимания и согласия не было в первую очередь среди

в сёдлах, подводили скакуна, и ему раздумывать было некогда.

– Письмо с вами, мурза? – строго спросил сотник.

Кутлук торопливо похлопал по кожаному мешочку, висевшему на шее:

– Здесь. Со мной должна поехать охрана, но вам я доверяю больше.

– Тогда вперёд, – приказал Тимур. – Нам нужно спешить!

Мухаммад-бек услышал дробный стук копыт отряда, который умчался добывать для него желанную женщину. Он не поднялся, не выглянул вослед, а потому не увидел уехавшего с ними тайного посланника. Бек пребывал в приподнятом расположении духа, он достал запретное вино, приложился к чаше. Управляющий тайными делами ханства не мог знать, что судьба уже занесла над ним карающий меч, а это ничтожное происшествие, случившееся минуту назад во дворе, готовилось стать смертным приговором многим могущественным заговорщикам.

Глава 13

Правая рука хана Сафы оглан Кучук возвращался с крымским отрядом из Арской земли. Он был послан туда повелителем, чтобы призвать арского князя на защиту столицы от шедших урусов. Оглан Кучук был рад предстоящей битве. Как долго его сабля дремала в ножнах, давно он не ощущал этого ни с чем несравнимого пьянящего чувства опасности, с которым летишь навстречу врагу и сшибаешься в смертной схватке. Он был рождён для битв, и интриги двора казались ему мелкими и недостойными

внимания. Хан возвеличил его, возвысил до высоты, которую оглан, будучи девятым сыном крымского бея, никогда не достиг бы в Бахчисарае. И Кучук любил своего господина. Его преданное сердце, ещё вчера бесшабашное и легкомысленное, почувствовало в числе первых опасность, которая грозила Сафа-Гирею.

– Вся свора казанских вельмож ненавидит вас, – однажды с прямою воина сказал он хану. – Прикажите, мой повелитель, и я принесу их головы к вашим ногам.

Гирей усмехнулся горячности оглана, ответил спокойно:

– Доставь мне доказательство вины, а я отдам их жизни.

Кучук запомнил эти слова. С тех пор он сделался хитёр и изворотлив, пытался добиться успеха в непривычном для него деле – подслушивании, выпрашивании и подсматривании. Но казанцы были осторожны, и кроме сомнений и осязаемого воздуха измены, которую чуял начальник ханской гвардии, он ничего не мог предъявить повелителю. Нежданное наступление урусов укрепило его в виновности казанских вельмож, но доказательств не было по-прежнему.

Кучук ехал неторопливо, опустив поводья. Поручение хана было исполнено, и спешить было некуда, а в спокойной езде хорошо думалось. Дозорный десяток вдруг остановился, вперёд смотрящий высоко вскинул руку, призывая к вниманию. Оглан привычно напрягся, сжал поводья, подтянулся, подобно большой лесной кошке. Отряд его замер, послушный знаку, а Кучук уже пролетел вперёд, осадил коня. Он при-

главных князей страны, а ведь именно они управляли ханством. Без ведома высокого дивана не воплощалось в жизнь ни одно важное решение. Именно по решению высокопоставленных вельмож Сююмбика с сыном была выдана русскому царю, когда он потребовал того от Казани.

Не могу обойти стороной и огульные обвинения Сююмбике в разврате и блуде. По-видимому, современные «судьи» Сююмбике опирались на некий труд русского летописца, который, по его же словам, много лет был в казанской неволе. Итак, они взяли на веру свидетельства невольника, всей душой ненавидевшего своих поработителей. Можно ли им доверять?

поднялся на стремянах и всмотрелся в кромку леса, за которой исчезала грязная лента дороги. Оттуда слышались явственные звуки схватки, отчаянные крики женщин, плач детей. Что бы там ни происходило, но это была возможность проявить доблесть воина. Кучук повеселел лицом, вскинул саблю, сверкнувшую на солнце:

– Алга!¹

Отряд сорвался с места в едином порыве, они преодолели дорогу за короткие мгновения и ворвались в схватку. На поляне в беспорядке сгрудились кибитки с распахнутыми дверцами, из них выглядывали испуганные лица прислужниц, около лошадей валялись пронзённые стрелами возницы. Охрана отчаянно билась с башибузками, которые наседали на них. Чутьё воина подсказало встать на сторону слабого, и оглан с крымцами ринулся на защиту маленького каравана. Нукеры Мухаммад-бека не ожидали внезапной помощи оборонявшимся, они с яростью накинулись на крымцев, но тех было немало. Крымская гвардия недаром отличалась во всех битвах, и вскоре слуги могущественного сановника пали в жирную грязь осенней дороги.

Разгорячённый Кучук взглянул на женщин, выбравшихся из повозок:

– Кто такие?

Они поклонились спасителю, отвечали вразнобой, не в силах унять слёз пережитого ужаса, крымец услышал главное: гарем принадлежал улу-ильчи Тенгри-Кулу.

– Куда же вы следуете? – перебил он нескончаемые жалобы женщин.

– В имение нашего господина на реку Нократ². Но что же нам теперь делать: у нас нет возниц, и охрана перебита?

Кучуку нравилось чувство превосходства, которое он испытывал при виде беспомощных хатун, цеплявшихся за его стремяна. К тому же женщины принадлежали Тенгри-Кулу, а оглан не забыл, каким отважным воином показал себя бек при Костроме, и как они вместе спасли повелителя от неминуемой гибели.

– Забирайтесь в кибитки, – приказал он. – Мои воины будут за возниц. Вам придётся вернуться в Казань. Не время в час испытаний покидать свой город и господина! Когда казанские вельможи знают, что за их спиной дом, полный жён и детей, они дерутся отчаянней.

– Взгляните, оглан. – Нукер, подъехавший к нему, передал кожаный мешочек. – Это нашли на груди одного из убитых. По виду он – не воин, гонец.

Кучук вынул свиток из мешочка, скользнул равнодушным взглядом и тут же впился в бумагу цепкими пальцами и глазами. Читал и не верил: такой удачи он не знал давно. Всевышний вознаградил его за доброе дело. Оглан избавил женщин от разбойного нападения и сразу получил то, чего тщетно искал последние месяцы, – доказательство измены казанских вельмож.

Не прошло и недели, как полки москвитов сошлись под Казанью. Город

¹ Алга (тат.) – вперёд.

² Нократ – Вятка.

Многими историками отмечается, каким негативом и враждебностью дышат строки летописи. Автор этого труда все трагические события, случившиеся в Казани, в том числе и смерть хана Сафы описывает в злопыхательских тонах. Мог ли простой невольник быть свидетелем так называемого нравственного падения царицы, или он воспользовался чёрными сплетнями, или недобрыми слухами, которые с радостью доммыслил и преувеличил в своих записках? Я в этом случае сослалась бы на народный фольклор, легенды о Сююмбике, где в глазах народа она предстаёт женщиной высоконравственной, любящей Казань и любимой казанцами.

встретил врага наглухо захлопнутыми воротами и тревожным ожиданием. Предупреждённый пограничными дозорами, хан повелел отрядам казаков и крымцев устроить засаду в лесу.

Великий князь Иван с высоты холма взирал на хорошо укреплённую крепость. Он ожидал лёгкой победы, считая, что заговорщики к его приходу уже совершили переворот. Но что-то не сложилось в так долго вынашиваемых планах карачи Булат-Ширина, и мятеж не совершился. Тревоги одолевали молодого князя, он украдкой поглядывал на многоопытных воевод: может, они знали, что делать в подобной обстановке. А воеводы раздавали указания, раскидывали лагерь, окружали кольцом затаившуюся Казань.

Хан Сафа-Гирей следил за вражескими полками, оцеплявшими город, со стен цитадели. Дикая ярость обуревала повелителя. Он знал: крепость готова к длительной осаде и обороне, и не так-то легко взять крепкие стены с высокими башнями и хорошо укреплёнными воротами. Не это вызывало негодование хана, в большой гнев вводила мысль о предательстве казанских вельмож. Они готовы были ради достижения своей цели подвергнуть избиению целый город. А москвиты уже взялись за дело, не подступаясь к укреплениям, принялись грабить предместья и посады. Зашлись огнём слободы Кураиш, Биш-Балта. Со слезами на глазах взирали казанцы на уничтожаемые огнём дома, улицы, мечети.

– Вот она – цена предательства! – Повелитель гневно вскинул руку, указал на русских ратников. Его крымцы

сплотились за спиной, стояли напряжённые, готовые ринуться на врага по первому знаку господина. Но хан приказал не им, а ждущим сигнала на башнях воинам:

– Дайте знак Кучуку, пора!

И словно разверзлись, расступились леса, выпуская наружу стремительную конницу. Всадники с бешеным улюлюканьем устремились на врага, с одной стороны казаки, а с другой крымцы. Они ловко орудовали саблями и кривыми ятаганами, врезались в нестройные ряды урусов. Не ожидавшие сопротивления москвиты побросали добычу и устремились в лагерь к поспешно сооружённым укреплениям. Казанская конница отступила и исчезла так же внезапно, как налетела. Нахмурившись, смотрел великий князь Иван на трупы своих ратников, это были первые жертвы бескровной победы, которую обещали ему сладкоречивые послы ханики Гаухаршад и улу-карачи Булата. И были они не последними. Ещё несколько дней в ожидании стояли полки под Казанью. Великий князь надеялся на войско из Перми, но оно всё не появлялось. А казанская конница не давала покоя ратям, она терзала их по несколько раз на дню, вырывала людей клоками из русского стана. Москвиты огрызались пищальной стрельбой, выскакивали вослед, но всадники растворялись в лесах, известных им до последнего пня, и хоронились там подобно лешим, незримые, защищаемые духами родной земли. Не дождавшись ни пермского полка, ни распахнутого ворот сдающегося города, Иван IV скомандовал отступление. Войска переправились через Свиягу и

История скрыла от нас казанские документы тех времён, всё истлело в огне пожарами, когда гибла столица великого ханства. И по иронии судьбы осталась эта летопись русского невольника, но ещё и память народная, которая бережно сохранила в своих недрах образ степной амазонки, женщины очень красивой и гордой, покровительницы муз, принесённой в жертву мнимого благополучия горячо любимой ею страны.

Сухие исторические факты гласят, что после падения ханства суждено было Сююмбике прожить ещё несколько лет. Но жизнь эта стала для неё адом. Иваном IV она была выдана замуж за касимовского хана Шах-Али,

отправились в обратный путь. Казанцы же вдоволь потешились, когда под стены столицы явился запоздавший полк из Перми. Ни одному вотяку не удалось уйти в тот день из смертельной сечи.

Глава 14

Но гибельный поток лишь начинал набирать силу, он наполнялся кровью новых жертв. К трону казанского повелителя бросили управляющего тайными делами бека Мухаммада. Царедворец был обвинён в измене и соглядатайстве в пользу неверных. Уличающее сановника письмо предоставил Сафа-Гирею торжествующий оглан Кучук. За словами белого свитка укрывалась измена куда более глубокая, и хан повелел узнать, кто ещё был замешан в заговоре. Мухаммад-бека заключили в зиндан, где его ожидали пытки. За вельможу из ближнего круга поспешил вступить сам улу-карачи. С отважностью барса, защищавшего своё логово, Булат-Ширин требовал, чтобы бек предстал перед шариатским судом. Сафа-Гирей знал: стоило выпустить Мухаммада из рук, и казанские крючкотворы найдут ему оправдание. Ширинскому эмиру было отказано в его ходатайстве, и тогда улу-карачи отдал тайное указание. Палачам повелителя не довелось испытать своё мастерство на вельможе, чьё могущество и власть ещё недавно заставляли склонять перед ним головы. Поутру бывшего управляющего тайными делами нашли бездыханным в тюремной келье.

– Слабое сердце не выдержало по-

зора несправедливых обвинений, – со вздохом подытожил смерть Мухаммад-бека улу-карачи Булат-Ширин.

Но все старания главы казанского дивана спрятать нити заговора оказались напрасными. Кучук уже вышел на след других вельмож, которые участвовали в интригах ширинского господина. Под жестокими пытками неосторожное слово вырвалось у одного, другого... Вслед за тем повелителю представили весь список заговорщиков, возглавляемый Булат-Ширином и ханикой Гаухаршад.

Террор начался в тот же день. По приказу Сафа-Гирея воины крымской гвардии врываются в дома именитых казанских вельмож, тащили их на расправу. Столица заполнилась криками и неумолчным плачем. Простой люд боялся выглянуть из своих домов, столкнуться со свирепыми всадниками. Зиндан переполнился. Мрачные закутки тюремных келий почтили своим высоким присутствием Булат-Ширин, Ахмет-Аргын и многие недоступные ранее сановники ханского двора. Не было в зиндане лишь Гаухаршад, но не из-за опасения Сафа-Гирея замахнуться на женщину ханского рода. Знатная царевна исчезла из столицы и самого ханства, словно испарилась, ибо по приказу разгневанного повелителя её искали во всех даругах и даже малых аулах. Никто не ведал, где укрылась она – легендарная дочь Ибрагима и Нурсолтан. Только тёмные воды озера Кабан хранили свою тайну...

В ночь, когда по городу разлилась волна арестов, ханика приказала спу-

ненавидимого всеми казанцами. По воле насмешливой судьбы, какой обоюдной была любовь между Сююмбикой и Сафой, такой же сильной и обоюдной стала ненависть между нею и Шах-Али. Ей не дали растить сына, оставили мальчика в Москве, где и крестили, и Сююмбика потеряла смысл всей жизни. Ничего более не радовало её, и, возможно, лишь ненависть к Шах-Али давала ей силы бороться с ним. В архивах сохранились письма касимовского хана, который жаловался царю Ивану, что Сююмбика покушалась на его жизнь, пыталась отравить. В свою очередь до отца Сююмбики доходили слухи, что Шах-Али издевался над его дочерью, покалечил её, отрезав нос. Дело дошло

стить на воду небольшой чёлн. Она бежала не обычным путём, не через городские ворота, в которых заговорщиков поджидали крымцы, а водой, по Булаку к озеру Кабан. На берегу озера в памятной ей землянке, в которой она когда-то укрывалась с любимым Турыишем, ожидал ханику последний фаворит – один из верных огланов. Укрытые от любопытных глаз быстрые лошади и охрана готовились следовать за предусмотрительной госпожой в Ногайские степи.

На Булаке в час побега разгулялся ветер, и Гаухаршад плотней укуталась в тёплое покрывало. Мрачно взирала она на тёмные воды протоки. Вместительное судно легко скользило по Булаку, за порывами осеннего вихря ни одна ханская ищейка не слышала плеска вёсел. Женщина безмолвно наблюдала, как крепкие руки невольников легко управлялись с ходом лодки, её глаза с равнодушием скользили по лицам мужчин. Они старались угодить высокой госпоже, не догадывались, что вскоре должны были умереть. Ханика умела замечать следы, и свидетелей её бегства не следовало оставлять в живых. Женщина погладила прижатый к боку сундучок, в нём была часть её казны, которая должна была обеспечить достойное существование ханской дочери на чужбине. И когда-нибудь эти монеты и драгоценности помогут ей с триумфом вернуться в Казань. Здесь была лишь часть её несметной казны, в ханстве оставались принадлежавшие ей дворцы

и имения, то, что она не могла унести с собой.

Гаухаршад затихла, прислушиваясь. Ветер сделался ещё злей, и с каждым новым порывом он всё крепчал. Невольники, опасаясь быть замеченными, не зажигали факелов, но держали их наготове. Чёлн, борясь с ветром, неуклюже входил в Кабан. Косая волна сильно тряхнула его, и ханика невольно вскрикнула. Зачерпнутая бортом вода замочила ноги. Стиснув зубы, госпожа ещё сильнее ухватилась за сундучок, молила о быстром достижении берега. Но земли не было видно, крошечная тьма сомкнулась ещё больше, когда пошёл дождь. Над озером зрела буря. Пожилой надсмотрщик с тревогой вглядывался во тьму, торопил невольников. Те, дружно ухая, изо всех сил нажимали на вёсла, но их усилия были напрасны. Желанные берега не появлялись, и судно, казалось, кружилось на одном месте. С трудом зажгли факел, принялись махать им, кричать, но никто не отзывался, только ветер гудел, и волны со свистом накидывались на борта лодки и резким всплеском опрокидывались навзничь. Ханику пронизывала дрожь, одежда промокла, и холод сковывал тело. Она с надеждой оглядывалась по сторонам, высматривала огонёк на дальнем берегу. Но тёмная водяная масса дыбилась перед глазами, как табун взбесившихся жеребцов, и не мелькал спасительный огонь, а надежда покидала обессиленных людей. У одного из невольников унесло весло, другой принялся громко

до того, что царь позволил послам ногайского правителя прибыть в Касимов и лично убедиться в том, что Сююмбика находится в полном здравии. Но просьбу Юсуфа отпустить дочь в Ногаи царь Иван отклонил.

Казанская царица Сююмбика закончила свою жизнь в полной безвестности. Шах-Али не позволил похоронить её в усыпальнице, где должен был покоиться сам вместе со своими жёнами. На её могилу не был установлен даже погребальный камень. Смерть её оказалась подобной гибели Казани. Но так же, как со временем возродился прекрасный город, я считала своим долгом по возможности более подробно воскресить в памяти потомков светлый облик незаурядной женщины. Пусть мой роман и является плодом литературного творчества, но он зиждется на исторических фактах, и личность Сююмбики соответствует прекрасному и благородному образу, сохранившемуся в памяти народной.

молиться на чужом языке. Надсмотрщик бросил плеть, он указывал на бушующие воды и хрипел, теряя голос:

– Аждаха! Это месь Аждахи. Великий Змей требует жертвы.

– Глупец! – вскричала Гаухаршад. – Кто верит в выдуманные для детей сказки? Если не заставишь рабов взяться за вёсла, пойдёшь первым кормить рыб!

Но обезумевший от страха надсмотрщик не слышал её. Ханика попыталась сама приказать невольникам, но на неё взглянули с такой яростью, что впервые госпожа отступилась. Она затихла, веря, что волны рано или поздно вынесут их на берег, или рассеется тьма, и придёт рассвет, который укажет дорогу. Гаухаршад думала об этом неустанно и не заметила большую волну, пришедшую со шквальным порывом ветра. Волна, как щепку, вознесла судно и сразу низвергла вниз. Лодка перевернулась мгновенно и накрыла собой людей. Холодная осенняя вода объела барахтающиеся тела. Люди ещё пытались ухватиться за скользкие бока перевернутого чёлна, но его вырвало из мечущихся рук и унесло прочь.

Когда тёмная глубина потянула за собой Гаухаршад, она не поверила тому, что это происходит с ней – могущественной и неуязвимой. Судьба всегда хранила её, она помогала спастись от чужой зависти, последствий глупостей и неосторожностей. Дочь великого хана с рождения пребывала на недосягаемой высоте и вот теперь погибала так глупо рядом с ничтожными невольниками, не стоившими даже перстня на её пальце. Она гневно закричала, бросая последний вызов судьбе или самому Всевышнему, но охрипший рот лишь хватил ледяной воды, а крик потонул в рёве волн. Силы закончились, но женщина всё не сдавалась, барахталась и выбиралась из очередной волны. Голова ханики Гаухаршад скрылась под водой самой последней. Сильные, крепкие невольники, не имевшие и половины железной воли своей госпожи, исчезли раньше. Она пошла ко дну, не ощущая ни холода, ни страха, блаженное теп-

ло вдруг охватило её, и свет прорезал тьму. Чьё-то лицо склонилось над ней. То был Турьиш, она узнала его улыбку, глаза мужчины, которого любила по настоящему. «Не бойся, – прошептал он, – идём со мной...»

Перевернутую лодку всю ночь носило по волнам и прибило к берегу ранним утром. Рыбаки видели, как среди камышей бродили воины, они пытались отыскать выкинутые водой тела, но так ничего и не нашли. А местные жители с некоторых пор стали уверять, что в бурю расступаются волны Кабана, и на берег выходит царевна, требующая в жертву мальчика. А вскоре эти рассказы превратились в ещё одну легенду...

В тот час, когда воды Кабана поглотили ханскую дочь, эмир Булат-Ширин не ведал о том и завидовал судьбе Гаухаршад. Он смотрел на прохлудившееся ночное небо, едва видимое в узком оконце его темницы, и думал о своей жизни. Он прошёл длинный путь первого вельможи, который добился наивысшего почитания, несметных богатств и немереной власти. Многое улу-карачи познал в этой жизни, все склонялись перед ним, даже ханы не осмеливались перечить. Теперь смерть караулила его в тоскливом вое ветра. В шуме дождя, хлеставшего по каменной мостовой, он слышал шелест крыльев Джабраила. Булат-Ширин знал: смерть придёт завтра, и мало кто из заговорщиков уцелеет. Спаслась лишь она – хитроумная ханика Гаухаршад. Булат-Ширин усмехнулся, тяжело опустился на грубо сколоченную лежанку. «Ох, Гаухаршад! Так и не довелось в этом мире быть нам вместе. А случись это – не было бы силы могущественней нашей! Вот и сейчас ты спаслась, мчишься в Ногаи или тюменские степи. Вспоминаешь ли обо мне, узнике, доживающем свои последние часы?» Ширинский эмир не заметил, как заснул, накрывшись плащом, но холод вскоре разбудил его. И он, владетель бессчётных богатств, принялся зябко кутаться в грязное сукно и мечтать о кучке хвороста и маленьком костерке на сыром каменном полу кельи.

Глава 15

24

главы из романа

Казни шли в столице несколько дней. На главной площади города бесславно расстались с жизнью великий Булат-Ширин, карачи Ахмет-Аргын, Солтан-бек и многие другие знатнейшие люди ханства. Глашатаи во всех уголках Казанской земли зычно оповещали о вине казнённых, перечисляли имена изменников, которые позвали врага на родную землю. Люди верили и не верили, испуганные расходились по домам. Они запирались на крепкие замки, в тишине молились Аллаху и просили у него помощи и заступничества. Нашлись среди больших казанских людей непричастные к заговору, которые в испуге бросили свои поместья и дворцы и устремились кто в Москву, а кто в Ногаи и Хаджитархан. Но даже в тяжёлые времена террора остались те, кто не желал сдаваться. Заговорщики истекали кровью, лишились предводителей, но, притаившись, выжили. Они уподобились раненым зверям, укрывшимся от жестокого охотника в дебрях лесов и непроходимых топей. И в своём тайном логовище мятежники получили второе дыхание. Многие казанцы, прежде преданные хану Сафе, стали переходить на сторону оппозиции, затевать очередную смуту. Они видели, как повелитель раздавал крымцам владения казнённых эмиров. Те, кто явился из Крыма, ничего не имея за душой, теперь селились во дворцах. Они обосновывались в богатых поместьях, по-хозяйски входили в гаремы казнённых беков и огланов, распоряжались их правами и богатствами. Казанские царедворцы роптали, а хан не желал замечать, как необдуманными действиями наживал врагов среди вчерашних верноподданных.

Во главе нового заговора встал сеид Беюрган, эмиры Кадыш и Чура-Нарык. Ближе к концу лета они послали в Москву гонца. Оппозиция не знала иного пути, она вновь просила московского правителя прислать к Казани русские войска. Но Ивану IV хорошо помнился недавний неудавшийся поход, и вели-

кий князь потребовал от казанцев самим свергнуть неугодного хана и содержать его под стражей до прихода московских полков. Заговорщики принялись копить силы для решающих действий, и в этот раз главную роль в перевороте вельможи отводили народу. Простых людей подбивали на открытый бунт против правящего хана. Вскоре нашлась и причина для подстрекательства: Сафа-Гирей, которому требовалось вновь пополнить казну для вознаграждения крымцев, взвинтил налоги.

В эти беспокойные дни Сююмбикаханум получила упреждающее письмо от отца. Беклярибек Юсуф призывал дочь воздействовать на безрассудного супруга, просил открыть глаза на его непростительные ошибки, которые со временем могли стать роковыми. Сююмбика читала письмо, и невесёлые мысли теснились в голове. Ей давно не нравилось, как Сафа-Гирей правит в Казани, тонкая женская интуиция подсказывала – недалеко до беды! Поэт Мухаммадьяр, особо любимый простым народом, предчувствовал скорую бурю, он, словно оракул, предсказывал в эти дни:

**Неверие не разрушит государства,
А от гнёта развалится страна.
Неверие и неверующий**

**лишь себе вредят,
А гнёт делает невыносимым
положение страны.**

Этот поспешно написанный стих Мухаммадьяр прислал казанской госпоже, она перечитывала его вновь и вновь, и наполнялась холодом грудь. «Он играет с огнём, – думала Сююмбика. – Сафа стал так безрассуден. О, Всевышний, в силах ли ты вразумить его?!»

Она не знала, как остановить мужа. Ханум пыталась заступиться за семьи казнённых вельмож, но Гирей, подобно почуявшему кровь волку, не желал выпускать добычу. Впервые они серьёзно поссорились, это были не мелкие охлаждения и размолвки былых времён, супруги разошлись во взглядах, и повелитель в сердцах отчитал свою ханум:

– Женщине не пристало соваться

в мужские дела. Когда жена лезет в политику, она забывает о своих прямых обязанностях, о том, как ублажить господина и продлить его род!

Сююмбика почувствовала, как от беспощадных слов пресеклось дыхание:

– Вы хотите сказать, что государственные дела лишили меня способности иметь детей?

– Это всё мудрствования, моя дорогая, с этим ты можешь разбираться до бесконечности с любимыми писателями. Но знай, женщины, с учёным видом рассуждающие о благах государства, навешивают на меня тоску!

Она пересилила обиду, сделала последнюю попытку объясниться:

– Повелитель, вы поступаете неосторожно, скоро от вас отвернутся все, даже духовенство! Вашим именем начинают пугать детей, а крымцев ненавидят все. Остановитесь, Сафа, пока не поздно!

Лицо Гирея покрылось красными пятнами, казалось, он едва сдерживался, чтобы не поднять руку на жену. Хан справился с собой, но ярость требовала выхода. Он грубо ухватил Сююмбика за руку и подтолкнул её к распахнутому окну:

– Смотри! Видишь, там отряд моих крымцев, которых все так ненавидят? А они день и ночь охраняют мой дворец, меня и вас – моих жён! – Он перевёл дыхание, стараясь говорить спокойней: – Как думаешь, прекрасная ханум, что было бы с тобой, если бы удался заговор сиятельного карачи Булат-Ширина? Ты бы осталась вдовой, а может, над тобой потешились бы урусы. Ты этого хотела?!

Сююмбика спрятала лицо в ладонях, отчаяние овладело женщиной. Впервые она поняла, что разговаривает с мужем на разных языках, ему никогда не понять её стремлений, а ей его! Она тоже, как и Сафа-Гирей, ненавидела москвитов, которые вмешивались в судьбу дорогого ей народа. Но она не считала, что правильный выход из положения тот, который избрал повелитель.

«Он всего лишь крымец! – горест-

но подумала она. – Он один из них, и в этом всё дело! Сафа никогда не предаст их, он лучше уничтожит всех казанцев и подведёт ханство под руку турецкого султана. Прав ли мой муж, знает лишь Всевышний. О Аллах! Вразуми нас, несчастных, направь на путь истины!»

Сююмбика опустила руки, на бледном лице не было ни слезинки. Гирей с удивлением наблюдал за ней: «Что за женщина! Любая другая обливалась бы слезами или умирала от страха. А эта смотрит, как каменная, нет слёз в её глазах, но нет и тепла».

– Как вам угодно, господин, должно быть, вы знаете, что делаете.

Он хотел её задержать, но не успел: Сююмбика выскользнула из дверей. Наступившей ночью он послал за ней евнуха, но гаремный слуга вернулся назад один. Ханум передавала, что она больна и не в силах исполнять супружеские обязанности. Сафа-Гирей понял: Сююмбика сердится, и решил не трогать её, пока не утихомирится буря, пронёсшаяся над семейным кораблём. В эту ночь и в последующие повелитель утешался в объятиях наложниц. А Сююмбика чувствовала порой, что их большая любовь терпит крах, как терпело поражение правление Сафа-Гирея.

Наступила зима. Она не принесла мира в напряжённые отношения между казанцами и ханом. Вскоре донеслись тревожные вести с русских границ: великий московский князь прибыл во Владимир и начал собирать полки. Повелитель насторожился, он ощутил новую опасность, грозящую со стороны Москвы, и разослал по всей Казанской земле гонцов с приказом бекам, мурзам и огланам явиться в столицу для её обороны. Но к городу прибыли лишь отряды приверженцев крымского правления. Оппозиция воспрянула духом, и в месяце зуль-каада 952 года хиджры¹ назрело то, чего больше всего опасалась Сююмбика-ханум.

¹ Зуль-каада 952 год хиджры – январь 1546 года.

Глава 16

В этот день на базарных площадях мурзы, беки и огланы из стана заговорщиков собирали народ. Перед толпой они выступали с пламенными, зажигающими речами:

– Слушайте, казанцы! И не говорите, что вы не слышали! Хан Сафа-Гирей превысил власть перед Аллахом и людьми! В гордыне своей он возвысился над всеми казанцами, приблизил к себе чужаков-крымцев!

– Скольких знатнейших людей – гордость нашей земли, предал он позорной смерти? А сколько уделов роздал крымцам?

– Как долго будет дозволено им грабить народ, копить казну и отсылать её в Крым?!

Гневные слова падали в благодатную почву. Толпа всё увеличивалась, волнение нарастало, уже слышались отдельные выкрики с призывами идти на ханский дворец. На улице стоял сильный мороз, обычный для этого времени года, но люди ничего не чувствовали. Мужчины слушали выступающих, сжимали крепкие кулаки и яростью загорались глаза. А из Соборной мечети, покинув молитвенный приют, двинулась процессия во главе с сеидом Бейурганом. Сеида сопровождали благочестивые шейхи, муллы и имамы. Впереди процессии в фанатичном танце кружили дервиши. Они, как крылья, раскидывали полы своих дорожных плащей и взмахивали массивными посохами – извечными спутниками в долгих дорогах. Суровы были лица аскетичных монахов, зычны крики мощных глоток:

– Слушайте, слушайте все!

– Собирайтесь на базарной площади!

– Идёт сам сеид!

– Всевышний будет говорить устами сеида!

Люди, послушные призывам дервишей, выходили из своих домов, устремлялись к базарной площади. Огромная толпа расступилась, пропуская служителей Аллаха. Сеид Бейурган взобрался

на возвышение, воздел узловатые старческие руки к небесам:

– О правоверные! Тяжёлые времена пришли на нашу благословенную землю. Гяуры топчут наши поля, жгут дома и убивают правоверных. Но страшной гяуров появился враг у Казанской земли: крымский выродец коварной змеей вполз в ханский дворец и управляет нами! О правоверные! Пусть ваши глаза увидят, а уши услышат! Он с нами одной веры, но он хуже гяура нечестивого. Крымец затягивает петлю на шею нашего народа и смеётся, глядя на его мучения. О правоверные! Не прощайте своих обид и оскорблений, не прощайте потоков крови благородных мужей, пролитых злодеем! Не прощайте слёз жён и детей мученически казнённых карачи!

Толпа кричала, потрясала кулаками, некоторые плакали. Над головами людей плетью взвился пронзительный крик:

– Веди нас, благочестивый сеид! Изгоним злодеев-крымцев с нашей земли! Долой хана Сафу!

– Лягыйн!!!¹

Вмиг всё переменялось. Со всех сторон нукеры мятежных беков несли охупками сабли и ятаганы, самые нетерпеливые вырывали крепкие кольца из изгородей. По кривым улочкам с визгом пронеслись всадники. Все бросились к цитадели.

Повелитель, которому доложили о беспорядках в столице, не сидел сложа руки. Крымская гвардия, вооружённая до зубов, перекрыла ворота, ведущие на Ханский двор. Закрывать ворота крепости не было никакого смысла: дома и дворцы мятежных эмиров на Кремлёвском холме кишели казаками и повстанцами.

Сафа-Гирей в кольчуге и полном боевом вооружении вскочил на подвешенного скакуна. Конь горячился, из его ноздрей струился пар, ложился серебристой изморозью на роскошную гриву. Оглан Кучук командовал крымской гвар-

¹ Лягыйн – слово, выражавшее наивысшую степень презрения, своего рода проклятие.

дией, по его приказу распахнули ворота. По снежному насту заскользил десяток крытых кожей кошёв с жёнами, детьми и наложницами хана. Обоз под охраной ногайцев Сююмбеки-ханум спешил покинуть взбунтовавшийся город. В одном из возков откинулся кожаный полог, в проёме мелькнуло бледное лицо Сююмбеки, старшая ханум с укором взглянула на высокородного супруга. У Сафа-Гирея неприятно заскребло на сердце: «А ведь она предупреждала, Сююм всё заранее предвидела...» Но разумные мысли залил ничем не сдерживаемый гнев: «Как они смеют?! Как посмели чёрное быдло и их трусливые вожак, прячущиеся за спину простолюдинов, заставляя меня, потомка великого рода, во второй раз покинуть Казань? Никогда! Никогда я не оставлю этот город! Всех уничтожу, всё залью кровью непокорных! Здесь надолго запомнят руку настоящего хана!»

Подскакал Кучук, склонив голову, доложил:

– Повелитель, они идут!...

Бесконечной казалась зимняя дорога, бескрайние белые поля расстилались до самого горизонта. Кое-где зубчатой стеной вставал заснеженный лес. Мороз охватывал тела и души беглецов, и в ледяном безмолвии слышались скрип полозьев, храп лошадей да редкие вскрики возниц. Изгнанный хан в угрюмом молчании возглавлял караван со своим гаремом. Здесь было всё, что осталось у Сафа-Гирея от его огромного богатства. Да что богатство, он потерял преданных людей. В страшной жестокой сечи, которая продолжалась до самой ночи, полегла на улицах Казани ханская гвардия – его гордость. Самого повелителя чудом спас Кучук, и под покровом ночной темноты вывел господина к подземному ходу. Следом выбрались два десятка нукеров. Некоторых из них – израненных и обессиленных, приютили в приграничном ауле Ия. Теперь осталась позади покрытая льдом речушка Кинельчеку, отсюда начинались ногайские улусы, их необъятная степь.

Тронув поводья коня, Сююмбика

подъехала к мужу. Заботливым взглядом он скользнул по укутанному в меховой башлык¹ женскому лицу:

– Замёрзла?

Ханум покачала головой:

– Не забывайте, мой господин, я выросла в этих местах и привычна не к таким морозам.

– Да, я помню, – рассеянно отвечал Сафа-Гирей. Голос его стал мечтательным и глухим, словно и не было его здесь. – А в Крыму сейчас всё по-другому. Идут дожди, ветер с моря холодный, но не такой, как здесь. О, Крым, благословенная земля!

Сююмбика рассердилась, откинула с лица башлык, открылись гневно сверкающие глаза и крепко сжатые губы:

– Если бы вы, мой муж, поменьше думали и мечтали о Крыме и своих крымцах, не постигло бы нас это несчастье! И не брели бы мы, как нищие скитальцы, в поисках приюта у моего отца!

Сафа-Гирей вздёрнул голову, стальной блеск отразился в красивых серых глазах:

– Не первый раз забываешься, Сююмбика! А должна помнить, что ты всего лишь женщина, а я твой господин!

– Может быть, вы и господин, – со спокойной холодностью отвечала ханум, и только подрагивающие на поводьях руки указывали, чего ей стоило это внешнее спокойствие. – Только хан без юрта всё равно, что джигит без коня!

Сафа-Гирей дико вскрикнул, взмахнул над головой камчой, словно сабли, скрестились два взгляда – его и её. Мужчина стеганул хлесткой плетью по бокам скакуна, жеребец взвился на дыбы, звонко и обиженно заржал. Хан осадил его, рванул поводья и помчался в хвост обоза, туда, где в сёдлах, мерно покачиваясь, ехали крымские сподвижники. Сафа-Гирей развернулся на ходу, крикнул властно:

– За мной! Едем в Хаджитархан!

Вскинулись крымцы, пошли в ход нагайки, с криком и улюлюканьем рванули

¹ Башлык – вид съёмного капюшона.

воины за своим ханом. Снежная буря, поднявшаяся под копытами бешено скачущих коней, осыпала белой порошей кошёвы и людей, остающихся на дороге.

Главный евнух Джафар-ага кинулся следом, испуганно запричитал:

– Повелитель, а как же мы?! Что же с нами будет?

– Следуйте в Сарайчик! – властно донёсся до него приказ из снежной дали.

Глава 17

28

Обессиленный караван двигался по замёрзшей степи десятый день. Они случайно наткнулись на стойбище мурзы Аббаса, где удалось передохнуть, запастись вяленным мясом и сыром. Мурза угощал в своей гостеприимной юрте дочь ногайского беклярибека и без конца сетовал:

– Нынешняя зима ожидается суровой. Наш улус, слава Аллаху, успел откочевать на пастбища к Аралу и к низовьям реки Сырдарьи. Осталось с десятком табунов, с ними отбуду и я, если нас не завалит снегами, а то потеряем коней. О-хо-хо, тяжёлые времена настали!

Широколицый и неповоротливый Аббас жмурился на ярко горевший огонь очага, жаловался, а сам хитро поглядывал на молчавшую ханум. «Хороша дочь у беклярибека Юсуфа, ох, хороша! Как только решился хан Сафа-Гирей оставить её одну, не проводил до Сарайчика в заботливые руки отца. Ханум, конечно, мангытских кровей, урождённая дочь степей, но как давно она покинула родной улус, сколько лет жила в изнеженной роскоши. Вот и сейчас морщит нос, когда едкий дым от кизяков достигает её ноздрей. Что и говорить, отвыкла госпожа от трудностей кочевой жизни!»

– До Сарайчика, где нынче зимует ваш отец, могущественный беклярибек Юсуф, да продлит Аллах его годы, дня три пути. А с вашим караваном, может, – и все четыре. Впереди стойбищ больше не встретите, слишком тяжёлая зима, все давно отбыли к тёплым пастбищам. Может быть, подождёте провожатых до Сарайчика? Что скажете, госпожа?

Сююмбика очнулась от своих дум, покачала головой.

– Благодарю вас, мурза, но чем быстрее мы доберёмся до Сарайчика, тем лучше для всех нас. Скоро придут снежные бури, и тогда уж в степи будет не до путешествий. Да и вам в такое время каждый лишний рот в тягость!

Мурза Аббас лишь развёл руками. Что тут скажешь? Не совсем, значит, забыла казанская госпожа кочевую жизнь, помнит и про бураны, и про трудные зимовки в степи, где каждая лепёшка из кизяка и проса на счету.

Наутро отдохнувшие казанцы распрощались с гостеприимным мурзой и отправились в путь. Сопровождать караван вызвались два табунщика. С тех пор как Сафа-Гирей покинул своих жён, ханум взяла на себя главенствующую роль. С коня она сходила только для ночёвок, когда плотным кольцом устанавливали кибитки и кошёвы, раскидывали внутри круга шатры и разжигали костры. Топливо, запасы которого они пополнили в последнем стойбище, приходилось расходовать экономно. Сююмбика видела, как женщины и дети страдают от холода. От всепроникающего мороза не спасало даже обилие шуб и меховых одеял.

В этот вечер она и сама чувствовала себя смертельно усталой и промёрзшей до костей. Ханум отдала необходимые распоряжения и забралась в шатёр, плотно захлопнув войлочный полог. Женщины, гревшие руки у очага, повернули головы. Их лица были измождены, щёки впали, а глаза горели голодным блеском. Равнодушные ко всему, они сидели у плюющегося едким дымом костра и ожидали, когда невольницы поднесут им еду. Ни одна из них и не подумала, чтобы подвинуться и дать ханум место у огня. Сююмбика без сил опустилась на корточки, привалилась к слабо колыхавшейся стенке шатра. Всё плыло перед глазами, мутило от горько-кислого привкуса желчи во рту. К Сююмбике подобралась Фируза-бика, протянула свою порцию лепёшки с сыром:

– Поешьте, ханум.

Сююмбика нашла в себе силы отказаться от предложенной пищи:

– Накорми сначала сына.

– Он уже поел. – Фируза присела рядом, машинально сунула в рот кусок лепёшки. – Когда же кончится эта дорога, ханум?

– Скоро. – Сююмбика не успела произнести утешающих слов, как все женщины вновь повернули к ней головы. Наложница-гречанка с большими красивыми глазами, которые сейчас казались бездонными ямами на похудевшем лице, капризно выкрикнула:

– Нам и в прошлый раз обещали, что уже рукой подать до ворот Сарайчика! Где же этот город?! Кругом одна степь и этот проклятый снег, мы все погибнем здесь!

В углу навзрыд заплакала другая наложница, закричал ребёнок, и словно ураган прошёлся по шатру – через мгновение повсюду царил вой, истеричные крики и слёзы.

– Замолчите! – Ханум поднялась во весь рост, со всего маху хлестнула по смазливому лицу гречанки. Та в испуге завернулась в покрывало, затаилась в углу. В шатёр уже вбегали евнухи, и Сююмбика, грозно оглядывая замерших женщин, строго произнесла: – Каждую, кто надумает говорить о том, что мы не доберёмся до Сарайчика, прикажу выбросить на мороз! Мы все в воле Всевышнего, молитесь ему, и уже завтра мы окажемся во дворце моего отца.

Женщины послушно затихли, лишь некоторые из них робко всхлипывали, поедая свои лепёшки с сыром. Прислужница поднесла еду и хмурившейся госпоже. Сююмбике не хотелось есть, но она через силу принялась жевать жёсткую и холодную лепёшку. Слабой она бы не смогла добраться до Сарайчика, а её сила была нужна всем этим людям, и ханум обязана была привести их в безопасное пристанище. Слёзы потекли сами собой, и Сююмбика порадовалась, что сидит не около костра, и женщины не видят её минутной слабости. Как ей не хватало надёжного муж-

ского плеча, как хотелось чувствовать себя слабой и защищённой.

– Сафа, – еле слышно шептала она, – где же ты, Сафа?

А на следующий день случилось несчастье, которого никто не ожидал. С утра над степью нависло тяжёлое свинцовое небо, всё вокруг замерло, даже торчавшие из-под сугробов сухие стебли ковыля стояли не шелохнувшись. Снежная буря налетела неожиданно. Резкий ветер вихревыми порывами накидывался на возки и людей, припадавших к лошадиным гривам. Поднятая вверх колючая ледяная пыль залетала за воротник, горстями сыпалась в лицо, забивала рот и мешала говорить. Ханум, пытаясь перекричать бурю, отдавала распоряжения. Кошёвы остановили, стали подгонять друг к другу. Впереди, в едва просматриваемой снежной мгле, метались всадники, они пытались справиться с взбесившимися лошадьми головной повозки. Сююмбика направила коня к ним, как вдруг из-под копыт скакуна метнулось в сторону гибкое серое тело. Волк! Жеребец испуганно всхрапнул, взметнулся на дыбы и понёс. Напрасно женщина пыталась поймать ускользавшие из рук поводья, конь мчался в снежную мглу и не обращал внимания ни на её крики, ни на всё более свирепеющую непогоду...

К вечеру вьюга стихла, словно вытряхнула всё содержимое небесного тюфяка, лишь отдельные мохнатые снежинки, подобно крупному пуху, продолжали лениво падать из посветлевшего, белёсого неба. В степном аиле, расположенном между невысокой сопкой и глубоким оврагом, шла своей неторопливой чередой обыденная жизнь. Переждав бурю, люди выходили из своих жилищ, торопились по делам. Девушки вереницей спускались на дно оврага, где бил незамерзающий ключ. Самой младшей, смешливой Тойчи, скучно было ступать со всей осторожностью по скользкой тропке. Бросив под себя кожаный торсук, она с визгом съехала вниз. За ней с радостным лаем устреми-

лись собаки, запрыгали вокруг озорницы. Та, смеясь, отбивалась от них:

– Пошла, рыжая, пошла!

Девушки постарше, скрывая зависть, чопорно поджали губы, переглянулись:

– Тойчи совсем дитя, а поговаривают, к ней собрался свататься сам Багатур.

– Багатур к Тойчи? – Круглолицая Минсылу скривилась, словно отведала перекишшего айрана. – Кто поверит в эту ложь? Должно быть, сама Тойчи об этом и болтает.

Девушки согласно закивали головами:

– И то верно.

Что тут сказать, Багатур – завидный жених, первый джигит в улусе Ахтямбека. А Тойчи такая неразумная, вот и сейчас повела себя как мальчишка-сорванец. Девушки боялись признаться, как хотелось бы и им скатиться вот так с горки, не опасаясь пересудов и строгих матерей. Но далеко им до Тойчи, она воспитанница самой Калды-бики, первой жены Ахтямбека. Всё позволено приёмной дочери бека, захочет, и Багатур поклонится ей. Собаки попрыгали вокруг девушки и отправились прочь. Вскоре их лай послышался на краю оврага. Они окружили засыпанный снегом холмик и принялись остервенело брехать на него, а серебристый покров вдруг зашевелился, вскинулась вверх и упала обессиленная рука. Собаки зарычали, подобрались ближе. Любопытство девушек тут же переключилось с Тойчи на то, что привлекло внимание животных.

– Должно быть, нашли чью-то нору?

Минсылу потянула за рукав бешмента подругу:

– Пойдём, посмотрим.

Тойчи, услышав о планах подружек, не пожелала остаться в стороне. Она бросила торсук, и первой проворно взбежала вверх по тропке.

– Я сама посмотрю.

Зимой в скучном стойбище любое происшествие развлечение, и девушки, позабыв про воду, отправились к загадочному холмику.

Выйдя из крытой белым войлоком юрты, бек взглянул на небо и кликнул нукера. Юркий узкоглазый воин подвёл осёдланного коня. Собаки лаяли, не переставая. Девушки уже подошли к ним, наклонились над холмиком, их испуганный вскрик услышали нукер и его господин. Они тревожно вскинули головы, а девушки с визгом бросились им навстречу:

– Ой-ой! Помоги нам Аллах, но там... Там человек!

На месте осталась лишь отважная Тойчи, она отгребала снег в сторону, отгоняла прочь собак. Уже стали видны очертания человеческой фигуры, укутанной в меха. Нукер подбежал вперёд, перевернул замёрзшего на спину, отёр с лица налипший снег. Слово мир разорвался в глазах подошедшего Ахтямбека. Ещё мгновение назад важный и неторопливый, он поспешно бросился на колени, принялся ощупывать горячими пальцами холодное заледеневшее лицо:

– Сююмбика!

Женщина застонала, с трудом разлепила смёрзшиеся ресницы и взглянула на склонившихся над ней мужчин. Лицо одного сквозь пелену меркнувшего сознания показалось ей странно знакомым. Мурзабек подхватил её на руки, бегом понёс к жилищу, шепча как безумный:

– О! Всевышний вернул мне тебя, бесценное моё сокровище!

У юрты он опомнился, опустил свою ношу на землю, хватая пригоршнями мягкий снег, стал растирать лицо, руки. Женщина от резкой боли зашлась криком, а он, не слушая, всё тёр и тёр. Из юрты выскочила старшая жена Калдыбика, испуганно вглядывалась в мужа и принесённую им женщину:

– Мой господин, кто это?

Он коротко взглянул на бику:

– Готовь постель, бараньего жира и горячего отвара!

Она, привыкшая подчиняться беспрекословно, тут же исчезла за пологом.

Нукер крутился около хозяина, предлагал свою помощь, но бек отвёл его руки, взглянул с мрачностью в плоское смуглое лицо:

– Никто не должен знать имени этой женщины. Забудь всё, что я говорил. Если разболтаешь, завтра собаки будут пожирать твой труп!

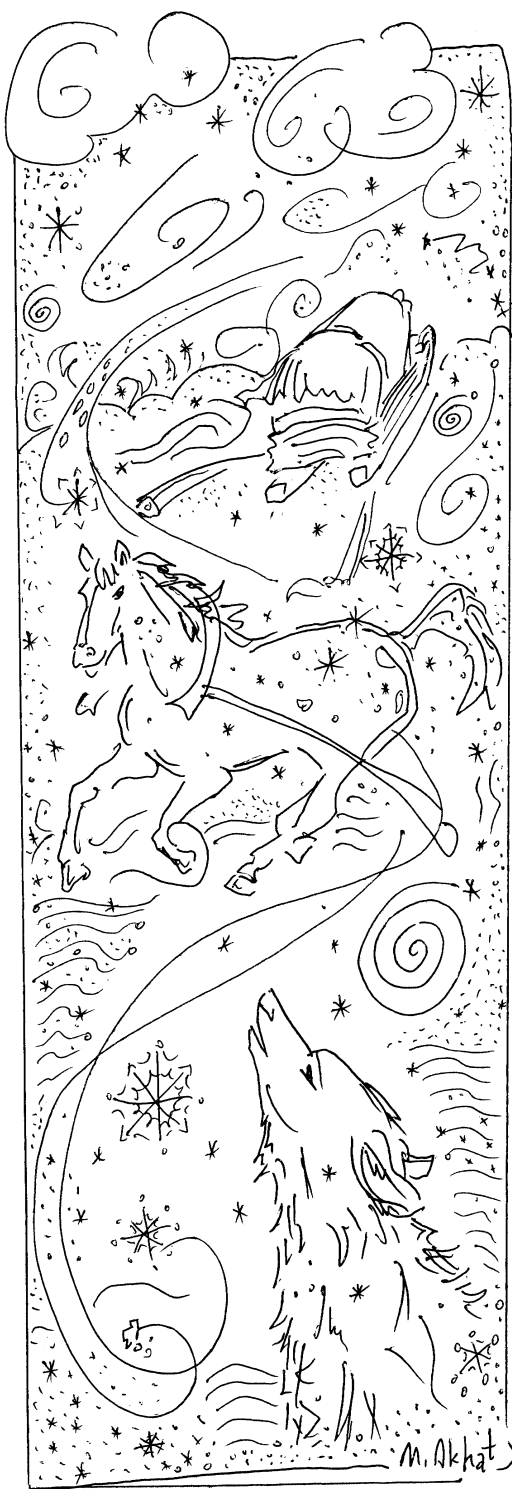
Нукер выпучил ничего не понимающие глаза, испуганно затряс головой:

– Как прикажете, господин. Я уже всё позабыл.

Мужчина поднял драгоценную ношу на руки, он, не отрываясь, глядел в глаза Сююмбике. Казанская ханум чувствовала себя в заоблачной дали, отрешённой от всего мира, она ничего не понимала, но мужчину, который нёс её, узнала. Запёкшиеся от крови губы едва шевельнулись:

– Ахтям-бек...

В юрте Калды-бика помешивала кипящий в котелке отвар. Запах трав плыл душистой волной и струёй устремлялся ввысь, в потолочное отверстие, куда уходил дым от очага. Насупившаяся Тойчи сидела в углу юрты. Она делала вид, что ей нет дела до бики и до всего происходящего вокруг. Девушка была обижена на ласковую и внимательную женщину, никогда Калды-бика не была с ней так сурова, не бранила и не отчитывала, как сегодня. А всё из-за женщины, найденной на краю оврага. Эта загадочная незнакомка будоражила воображение Тойчи. Любопытство её не знало предела, но все вопросы остались без ответа. Девушка попыталась пробраться за запретный полог, где хозяин стойбища укрыл свою находку, но бика налетела на неё, оттаскала за косы, и повелела носа не высовывать из угла. Госпожа сердилась до сих пор, Тойчи это видела по нахмуренным складкам на смуглом лбу и сурово сжатым губам. Но сейчас, подметила воспитанница, бика сердилась не на неё, а на супруга, до сих пор не появившегося из-за полога, за которым лежала в забытии женщина. «Кто она такая?» – мучилась догадками Тойчи. Она явственно слы-

шала имя, которое произнёс господин, – «Сююмбика». Кем могла быть эта хатун, явившаяся из снегов степи, кем она приходилась суровому Ахтям-беку? Сидя в своём углу, Тойчи клялась, что она будет не она, если не узнает этой тайны. У очага госпожа принялась наливать отвар в чашу, но по неосторожности обожглась и выронила сосуд. Тойчи бросилась на помощь, с преувеличенной услужливостью заглянула в наполненные слезами глаза бики:

– Я вам помогу.

Доброе сердце женщины, нуждавшееся в поддержке и ласке, тут же оттаяло. Калды-бика погладила воспитанницу по спине:

– Помоги, моя хорошая, и не сердись на меня. Тяжело мне, ох, как тяжело.

Бика отвернула широкий рукав кулмэка, разглядывая обожжённую ладонь.

– И зачем она явилась? – еле слышно шептала женщина. – Что ей нужно от моего несчастного мужа?

Шёпот Калды-бики не остался без внимания, глаза Тойчи округлились, и даже приоткрылся рот. Она уже хотела спросить у приёмной матери, кто же эта женщина, да вовремя вспомнила о недавней нахлобучке. Нет уж, лучше она благоразумно промолчит. Девушка наполнила чашу отваром и со всей кротостью произнесла:

– Я отнесу, бика.

– И не думай! – В голосе женщины опять зазвучали строгие нотки. – Отнесу сама.

Госпожа отогнула занавесь и проникла в отгороженную комнату, а за ней, как тень, метнулась Тойчи. Девушка приникла к щели, она вся горела от возбуждения и любопытства, и рисковала быть вновь оттасканной за косы за увиденное ею. Грозный степной князь стоял на коленях перед ложем, а та, чужая, покоилась на шкурах, отвернув лицо к войлочной стене. Но Ахтям-бек словно не видел этого равнодушия, он страстно приникал к ладоням женщины, целовал и ласкал её руки.

– Пери моя. Любимая, – шептал бек. – Вся моя жизнь ради тебя, всё суще-

ствование бессмертной души готов сложить к твоим ногам. Лишь попроси, хоть раз взгляни благосклонно. Хочешь, стану твоим мечом, твоей стрелой, рабом!

– Мой муж, – голос Калды-бики дрогнул. – Я принесла отвар, как вы просили.

Бек вскочил на ноги, нахмурившись, взглянул на старшую жену:

– Дай чашу, я сам напою её.

– Позвольте мне поухаживать за госпожой, – молящими глазами заглядывая в неприступное лицо мужа, попросила Калды-бика. – Где это видано, чтобы за женщиной ухаживал мужчина? Ей нужны женская рука и забота.

– Уйди прочь! – Ахтям-бек вырвал чашу из рук супруги.

С заботой ревнивца, оберегавшего своё сокровище, он вновь опустился на колени. Теперь его движения сделались ласковыми и осторожными, мужчина повернул голову больной и поднёс чашу к её потрескавшимся губам:

– Испейте, ханум, в этих травах вся сила степи. Вот увидите, они принесут вам облегчение.

Измученный стон сорвался с губ женщины, но она всё же отпила глоток, потом другой. Бика печально покачала головой и вышла, плотно задёрнув занавес. С подозрением взглянула она на непоседливую Тойчи, та как ни в чём не бывало помешивала отвар.

– Оставь котёл в покое, – проворчала госпожа. – Сходи лучше за водой, она может понадобиться.

Глава 19

Ахтям-бек не выходил из юрты своей старшей жены Калды-бики. Он был хмур и задумчив, нетронутой стояла рядом расписная пиала с остывшим шербетом. Из тёмного угла бика тревожными глазами следила за мужем, так любящая мать ищет в лице заскучавшего сына причину его тоски. Калды-бика ещё не стара; пятнадцать лет прошло, как переступила она порог этой юрты. Тогда её супруг, потомок некогда знатного и богатого мангытского рода, едва

смог заплатить её отцу калым. Ахтям-беку в наследство достались бедные кибитки да оборванные рабы-табунщики. Сколько лет бился он, пытался победить позорную нищету. Последние годы бек жил в Хаджитархане, прославился там как лучший из военачальников степного хана. В Хаджитархане его звали «Барсом», и Ахтям-бек оправдывал имя, данное ему. Бика могла гордиться своим мужем, отважный «Барс» в бесчисленных набегах добыл богатство, наполнил умирающий улус людьми. Он вернулся в ногайские степи недавно и принялся налаживать жизнь на родных кочевьях. Беку нужен был наследник, а их единственный сын родился больным, так ни разу и не встал на ноги. Женщина не осуждала мужа, когда он пожелал привести новую жену, а следом другую. Больше всех знала она о безнадёжной любви мужа к дочери Юсуфа – Сююмбике. Из-за неё бежал когда-то бек в Хаджитархан, из-за неё ждал последний страшного гнева беклярибека. Но буря не разразилась, Юсуф так ничего и не узнал о попытке дерзкого похищения его дочери. А бек, одержимый своей любовью, всё играл с судьбой. Он взял жён из рода Юсуфа, словно искал в этих девушках черты любимой женщины. Но красивые и молодые жёны не только не продлили род господина, но и не смогли излечить мужчину от любовной лихорадки. А вот любое упоминание о Сююмбике вводило Ахтям-бека в неистовство. Что задумал Всевышний, когда бросил казанскую ханум в снега их аила, Калды-бика не знала, но молилась образумить мужа, вернуть ему душевный покой.

Женщина с тревогой глядела на полог, за которым укрывалась Сююмбика. «Откуда ты явилась, дочь Юсуфа? – покачиваясь, думала Калды-бика. – Зачем пришла терзать его сердце? Как же мне помочь ему – мужчине, в котором жизнь моя?» Мысли прервались внезапно, озарённая догадкой женщина даже подскочила и выронила шитьё. Она подумала, как ей выйти из юрты, не привлекая внимание мужа, повозилась в

углу и произнесла, не глядя в сторону бека:

– Пойду посмотрю, куда делась эта непоседа Тойчи. Велю принести воды.

Муж так и продолжал сидеть неподвижно, и бика беспрепятственно выбралась из юрты. Белый снег ослепил её, уже давно не покидавшую тёмного жилища. Она постояла, прижав обеими руками стучавшее от волнения сердце, и заторопилась на окраину стойбища. В одной из бедных кибиток, скученно стоявших у оврага, проживал её дальний сородич Сарман. К нему и постучалась хозяйка стойбища. Сарман встретил хатун с удивлением, он провёл гостью на почётное место, не переставая рассыпаться в любезных словах. Его жена засуетилась, подкинула кизяк в огонь.

– Скоро будут готовы лепёшки, госпожа, – говорила женщина. – А пока принесу айрана. Сарман недавно вернулся из табуна, привёз кислого молока, славный айран получился.

Но бика, всегда соблюдавшая законы гостеприимства, на этот раз не удостоила вниманием жену родича. Она с волнением взглянула на Сармана:

– Мне нужен Багатур, где он?

Табунщик встревоженно переглянулся с женой. Все знали, что бика желала соединить в браке их сына и свою воспитанницу Тойчи. Но отчего сейчас госпожа так странно ведёт себя? Уж не опозорил ли чем себя Багатур? Сарман кивнул жене:

– Погляди, должно быть, сын занят с жеребцом бека, кормит его. Вы же знаете, уважаемая бика, – заискивающе обратился к госпоже табунщик, – Ахтям-бек доверяет своего коня только Багатуру.

– Да, да. – Калды-бика потрясла головой, но, казалось, не понимала, о чём идёт речь. Она чувствовала, как огонь охватывает её, всё плясало перед глазами: угодливое лицо Сармана и его маленькая сморщенная жена, торопливо накидывающая на плечи бешмет. А после, как в тумане, она увидела Багатура, явившегося перед ней. Бика обхватила

плечи руками, пыталась унять невыносимую дрожь.

– Оставьте нас одних, – попросила она Сармана с женой.

Как только родичи покинули юрту, женщина обратилась к джигиту:

– Возьмёшь коня, Багатур, лучшего коня, и скачи в Сарайчик. Сообщишь великому беклярибеку, что его дочь нашлась, что она в нашем аиле. Но не говори ничего лишнего, Багатур, больше ни слова, мой мальчик.

Бика отправилась сама выбирать коня и проводила джигита в путь. Не отрываясь, глядела она, как по заснеженной равнине летел жеребец Багатура.

– Всё скажи, сынок, – шептала женщина, – только доберись до Сарайчика. И тогда мой муж будет спасён.

Сююмбика очнулась после долгого забытья. Взгляд её бродил по закопчённым стенам юрты, которые местами прикрывал ковер или шкуры. В углу, потрескивая, горел очаг, дарил ровное приятное тепло. Женщина попыталась встать, но от слабости нестерпимо закружилась голова. С мучительным стоном она откинулась назад на одеяло из заячьих шкурок. Её услышали, и в юрту, нагнув голову, вступил мужчина.

– Значит, это было не видение? – прошептала ханум. – Вы спасли меня, Ахтям-бек.

Губы женщины дрогнули в слабой улыбке, она разглядывала замершего перед ней бека. Казалось, он совсем не изменился с тех пор, как Сююмбика видела его в последний раз: тот же могучий разворот плеч, мужественное лицо, окаймлённое чёрной бородкой. Ахтям-бек опустился на колени перед постелью госпожи и склонил голову:

– Вы можете казнить или миловать меня, ханум, но ни одна душа во всём мире не знает, что вы находитесь у меня. А мне так мало нужно, госпожа. Позвольте стать рабом у ваших ног, только прикажите, и я сделаю для вас невозможное!

Сююмбика молчала. Негромко потрескивал огонь в очаге, а она вдруг

протянула руку, коснулась груди мужчины. Её пальцы пробежали по атласной оторочке казакина. Ахтям-бек замер, поражённый нежданной лаской, казалось, шелохнись он – и кончится волшебное мгновение. Но волшебство кончилось от её слов, бесповоротных, не оставляющих надежды:

– Не ты моя судьба, Ахтям-бек. В этом мире мы никогда не сможем быть вместе. Я часто вспоминала тебя там, в Казани, когда была замужем за Джан-Али. Я была очень несчастна, но то была моя судьба, и никто не в силах изменить её, никто, кроме Всевышнего!

Он вскинул голову, сквозь стиснутые зубы проговорил упрямо:

– Но Всевышний привёл тебя ко мне, Сююмбика!

Она покачала головой:

– Нет, Аллах лишь милостиво позволил нам проститься.

Тело бека охватила дрожь, голова опустилась, и ханум отвернулась к стене не в силах видеть, как затряслась в беззвучных рыданиях спина крепкого отважного мужчины.

А за войлочной стеной юрты уже слышался топот многочисленных копыт, раздалась резкие громкие голоса. Следом зазвенело вынимаемое из ножен оружие, гневно закричали нукеры, не пропуская кого-то. Ахтям-бек поднялся на ноги, сильные руки сжали рукоятку висевшего на поясе кинжала, он решительно распахнул полог, готовый защищать любимую. Но его остановил тихий голос Сююмбики:

– Ты не сделаешь эту глупость, Ахтям-бек, подумай о своих людях, о стойбище. Твой род, бек, взывает к твоему разуму!

А в жилище, отбиваясь от охраны, уже входили ногайские воины. Сотник беклярибека поклонился хозяину аила:

– Просим прощения за то, что нарушили ваш покой, Ахтям-бек, но по велению беклярибека Юсуфа мы разыскиваем дочь господина. Сююмбика-ханум пропала несколько дней назад в степи. Нам сообщили, что вы нашли женщину... – Воин не договорил, пробрав-

шийся следом за ним тучный человек в нелепо сидевшей на нём долгополой овчинной шубе, громко возопил:

– Ханум! Моя любимая госпожа, слава Аллаху, вы живы!

И чувствительный Джафар-ага, мешая слёзы со смехом, бросился в ноги Сююмбике.

Глава 20

Уже десятый день Сафа-Гирей находился в Хаджитархане у хана Абдур-Рахмана. Гостеприимный повелитель встретил казанского изгнанника с распростёртыми объятиями. Он участливо выслушал рассказ о бунте черни и предательстве казанских вельмож. Просьбе Сафа-Гирея оказать военную помощь не отказал, но попросил подождать, пока его гонцы соберут степных удальцов.

– А вы, дорогой брат, погостите в Хаджитархане, – сказал Абдур-Рахман. Он окинул взглядом город, раскинувшийся под окнами дворца, обвёл его щедрой рукой: – Здесь всё ваше, Сафа.

Но, несмотря на гостеприимство Абдур-Рахмана и его щедрые посулы, казанский хан оставался невесел. Тяжкие думы скручивали угрюмую складку на лбу Сафа-Гирея, ввергали в пучину сомнений и страхов: «А если не вернуть уже трона, не увидеть более Казани, как взглянуть тогда в глаза Сююмбике, как осмелиться прибыть ко двору Юсуфа?»

Стремясь развеселить гостя, хан затеял игрища. Весь день на заснеженной равнине, похваляясь удалью, соревновались воины. Джигитовка, скачки, стрельба из лука, метание копья – во всём преуспел крымец Кучук. Полученную награду – драгоценную саблю из рук самого хана Абдур-Рахмана – преподнёс с поклоном Сафа-Гирею:

– Примите, повелитель, от верного вашего воина свидетельство силы, удали и ловкости. Пусть от вашей гвардии осталась лишь горстка, но брось эту горстку, как зерно, в плодородную почву, и взрастёт войско! Направьте воинов в битву жаркую, и сложим мы Казань к

вашим ногам. А сабля эта пусть срубит головы врагов и недругов, устроивших измену за спиной своего повелителя!

У Сафа-Гирея сверкнули глаза, дух, утерявший свою воинственность, воспарил. Он принял клинок из рук Кучука, вскинул над головой, сжимая в ладонях:

– Клянусь, предатели поплатятся! А кто пойдёт за мной – оденутся в бархат и шелка, взлетят соколами над стаей ворон, станут выше мурз и беков!

Крымцы закричали первыми:

– Мы с тобой, великий хан! Вперёд, на Казань!

За ними подхватили клич и хаджитарханцы.

Вскоре хан Сафа простался с Абдур-Рахманом. Степная вольница в две тысячи человек ожидала его за воротами города. Крепко обнявшись с повелителем Хаджитархана, Сафа-Гирей промолвил:

– Я никогда не забуду тебя, мой брат!

Хаджитарханец хитро прищурился:

– И мои беи бывают строптивы. Если настанет черёд Абдур-Рахмана покинуть свой удел, я буду надеяться на тебя, Сафа-Гирей.

– Клянусь священным именем предков, мои воины станут твоими!

Казань открылась взору на исходе зимы. Город, утопавший в снегу, высился непреодолимой твердыней. Разумом изгнанный хан понимал: две тысячи всадников несерьёзная угроза для такой неприступной крепости, какой была Казань. Но надежда тлела незатухающим огоньком. Крепко надеялся Сафа-Гирей на оставшихся в столице верных людей. Хаджитарханцы раскинулись на берегу привольным станом, хозяевами разъезжали вдоль Казань-су, поглядывали на горожан, скопившихся на стенах. Сафа-Гирей медлил; каждый день с замиранием сердца он ожидал, что распахнутся древние, обитые железом ворота, и казанцы, смирившись, выйдут поклониться своему повелителю. Но время шло, а чуда не происходило. От слободских жителей, захваченных в плен и допро-

шенных с пристрастием, стало известно, что столица жила без правителя. Во главе ханства стояли сеид Беюрган и эмиры Кадыш с Чура-Нарыком. Перехваченный гонец сообщил, что в Москву отправился шейх Гамет за ханом, назначенным великим князем править Казанской землёй. Разъярённый Гирей изрубил пленного гонца саблей, дарованной Кучуком.

– Предатели! Они готовы встать на колени перед урусами, но не впускают в город меня!

А дни шли, текло неумолимое время, прибавлявшее к неудачам хана Сафы новые напасти. Хаджитарханцы пограбили и пожгли все окрестности и начали выражать явное недовольство своим бессмысленным стоянием под Казанью. Он слышал их ропот повсюду:

– Разве можно взять такую крепость без пушек?

– Кто обещал одеть нас в шелка и бархат? Сегодня нам пришлось хлебать просяную похлёбку, так недолго и ноги протянуть.

– Скоро весна, потекут дороги, и мы застрянем здесь надолго.

Пришлось и хану Гирею признать свою неудачу и отступить прочь от Казани. Путь его лежал в Ногайскую степь. Но к землям Мангытского юрта вели городки и аулы ханства, и хаджитарханцы, стремясь наверстать упущенное, грабили и жгли всё вокруг. Сафа-Гирей не вмешивался. Воины должны были получить свою долю, да и проучить строптивых казанцев не мешало.

Степь встретила отверженного хана внезапно наступившей весной. Но пробуждение природы не возвышало, каждый шаг к Сарайчику давался Сафа-Гирею с трудом. Страдала его гордость и самолюбие. Если бы он мог повернуть назад и не встречаться со своим равным беклярибеком. Но в Сарайчике жила Сююмбика, а женщина эта манила его к себе сильнее непокорной Казани. Ждёт ли она его, простила ли неудачи и промахи мужу, которому всегда клялась в любви? «Если Сарайчик примет меня неласково, заберу жён и детей и отправ-

люсь к дяде Сагибу в Крым. Родная земля дала мне жизнь, она же даст силы, и я овладею ханством, вышедшим из-под моей руки!» Сафа-Гирей твердил это как заповедь, как заученную молитву. Но таил надежду, что всё обойдётся, и Юсуф примет зятя с благосклонностью.

А Казань в эти дни подписывала клятвы верности новому хану. Великий князь московский дал в повелители изгнанного когда-то Шах-Али. Избраннику минуло сорок лет, но со времён юности касимовец мало изменился. Стал он ещё уродливей, обрюзг и напоминал расплывшегося евнуха. Такой повелитель не шёл ни в какое сравнение с красавцем Сафа-Гиреем, но он был залогом мира с русским правительством, и Казань с нетерпением ожидала его.

Шах-Али получил благую весть ранней весной. Хан опустился на молитвенный коврик и обратился в сторону Кыбла. Он долго и усердно молился. Долгие двадцать пять лет шёл Шах-Али к этой цели, с тех пор, как разгневанные казанцы его, ещё совсем юного, изгнали из ханства, все мечты касимовца были о возвращении. Он обманывался сладкими посулами и обещаниями московских князей, но призрачная Казань, которую он жаждал заполучить, как прекрасную невесту, уплывала из его рук, а видение рассеивалось подобно дымке. Шах-Али принимался плести нити заговоров: то вёл тайные переговоры с Казанью, то с Ногаями. Однажды вина его открылась, и великий князь повелел под конвоем сослать заговорщика на Белоозеро...

Конница неспешно двигалась по бесконечным дорогам казанских земель. Шах-Али покачивался в седле впереди, не хотелось лишний раз видаться с князьями Палецким и Бельским. Опасаясь за свою жизнь и дальнейшую судьбу, хан и по сей день заискивал перед вельможами московского двора. Но как он всех их ненавидел! Эта ненависть возвращала его назад, в страшные события, которым минуло более десяти лет. Вслед за ссылкой Шах-Али последовали аресты близких и верных людей в Касимове. Десятки эмиров, мурз

и огланов вместе с семьями оказались в страшных подземельях Твери, Пскова, Новгорода, Орешка и Карелы. В Пскове после пыток палачи удушили семьдесят три человека. Участь жён погибших едва ли была легче. В страшные морозы их погнали к прорубям, где подвергли насильному крещению, сам владыка Великого Новгорода и Пскова Макарий властвовал над этим. Обезумевших татарок тут же у реки раздавали в жёны православным – ратникам, ремесленникам, заезжим молодцам – каждому, кто тянул руку к вдовам беков и мурз. Три года в горе и страхе провел Шах-Али на Белоозере, не раз видел он во снах, как к нему врываются убийцы. Но наяву смерть настигла брата Джан-Али, которого Шах-Али считал счастливецом, обласканным судьбой. Тогда Елена Глинская, правящая в те годы Москвой от имени малолетнего князя Ивана, вспомнила о Шах-Али. Призвала из ссылки в великокняжеский терем, посулила трон казанский, но прилетели вести неожиданные, что воцарился в городе желанном крымец Сафа-Гирей, и отступил Шах-Али. Ещё долгие десять лет он ожидал, и мучительное ожидание оканчивалось здесь, на раскисающих под весенним солнцем дорогах Казанского ханства. Ещё день, и он въедет в столицу правителем, и гордые казанцы вновь поклонятся ему.

Глава 21

В просыпающемся от зимней спячки Сарайчике Сафа-Гирей переживал трудное для него время. Беклярибек Юсуф хоть и принял хана-изгнанника в своей столице, но недвусмысленно дал понять, что делает это только ради дочери. В своём недоброжелательстве Юсуф зашёл так далеко, что не позволил Сафа-Гирею увидиться с Сююмбикой. Но к остальным жёнам и наложницам хан был допущен беспрепятственно.

По приказу повелителя ногайцев семью Сафа-Гирея поселили в старом крыле дворца. Прислужницам и внухам

пришлось немало потрудиться, чтобы придать жилью сносный вид. Взор Гирея с презрением окидывал отсыревшие стены, расколотую мозаику. На холодной лестнице он разглядел притаившуюся в углах старую паутину, так же влажно и неуютно было в тёмных коридорах. Евнухи распахнули двери отведённых ему покоев, там господина ожидали женщины гарема. Они кинулись к нему с порога, кланялись, целовали руки. Он видел: ждали хороших вестей, но ему нечем было порадовать их, и оттого раздражение поселилось в сердце. Сафа-Гирей выслушивал восклицания женщин с отстранённым равнодушием, скользил взглядом по их старательно накрашенным лицам. Они принарядились, готовясь к встрече с повелителем, но яркие одежды среди убогой обстановки выглядели нелепо. Он отправил их прочь, всех, кроме Фирузы. Русская бика стояла позади остальных, время от времени покашливая в платок. Сафа призвал её к себе, заглянул в светлые глаза:

– Фируза, ты похудела.

Она виновато опустила золотистую головку:

– Это от болезни, повелитель, но она пройдёт.

– А где поселили ханум? – Голос Сафы дрогнул, и Фируза потупилась, пряча глаза. Радостный блеск во взоре угас, словно его и не было. Бика молчала, и хану пришлось требовательной рукой вскинуть подбородок женщины.

– Где этот упрямый старик прячет свою дочь?! Не может быть, чтобы и вам не позволяли видиться с нею.

– Ханум была больна, – негромко отвечала Фируза, – в последнее время к ней допускали только лекарей. Беклярибек хранит её от лишних тягот. Он считает, что женщины хана Сафы могут принести беспокойство его дочери. Ногайский повелитель так любит её.

Гирей стиснул зубы, отошёл к окну, чтобы не выдать истинных чувств перед младшей женой:

– Ступай к другим, Фируза, я хочу побыть один.

Он прошёлся по комнате, в которой ему предстояло жить долгие дни, пока ногайский беклярибек сменит гнев на милость. Он мог бы покинуть Сарайчик, забрав свой гарем, но оставить здесь Сююмбику! Нет! Казалось, ломалась вся стройная линия жизни и судьбы без неё, дарованной ему Небом и Всевышним. Она стала его звездой, счастливым талисманом, женщиной, рядом с которой мужчина ощущает себя правителем. Одна она была достойна восседать на казанском троне, женщина, отмеченная его любовью. И Сююмбика не могла позабыть горячих чувств, связывающих их, а значит, следовало со смирением ожидать, когда она пожелает увидеть его. В тот день ханум легко сломит упрямство беклярибека, недаром она – дочь Юсуфа. Сююмбика не может быть счастлива в этом неуютном дворце. «Должно быть, она скучает по роскоши казанских чертог, – думал Сафа-Гирей. – Сарайчик так непригляден, в нём едва ли насчитается с десяток богатых домов. А дворец похож на развалины, будто только вчера грозный Тимур прошёлся с мечом по этим местам». О! Как далеко Сарайчику до блистательного великолепия Казани или роскошного, утопающего в зелени цветущих садов Бахчисарая. Нет, Сююмбика не может не скучать по Казани, и она призовет его, Сафу, и потребует вернуть ханство. А он сделает это, если только окажется в его руках непобедимая конница ногайцев.

Хан остановился у узкого стрельчатого окна, глядел на город, и понимал, что не сможет долго выдержать в этом степном пристанище, утерявшем былое могущество и значимость караванного центра. Здесь когда-то проходил Великий Шёлковый путь, переполнялись людьми богатые караван-сарай, ревели верблюды, шумели базары. Карающий меч Тимура прервал реки торговых путей, превратил их в скудный ручей. Какой караван-баши теперь отважится пройти через Сарайчик? Лишь безумцы способны на это, но находятся и такие. Хан видел купцов в старом приюте для

путешественников, где остановились и его верные крымцы. Этим утром, въезжая во дворец беклярибека, Сафа-Гирей наблюдал, как караван потянулся из распахнутых ворот. Печально звонили бубенцы на шеях невозмутимых верблюдов, а следом за ними летело воспоминанием бессмертное:

**О, караванщик, не спеши:
Уходит мир моей души,
И сердце, бывшее со мной,
Летит за милой в край чужой.**

Как часто они читали газели Саади вместе с Сююмбикой. Чувственные строки витали в воздухе сада, и он шептал их меж поцелуями, между ласками рук, тянущихся друг к другу. Мужчина простонал, уткнулся лицом в стену, и холод отсыревшего камня привёл его в чувство. Не следует предаваться отчаянию, Юсуф не рад зятю, но он, Сафа, убедит старика в необходимости встречи. Уходят драгоценные дни, Гирей видел сам, как ногайцы, зимовавшие в окрестностях города, сворачивали свои кибитки. Скоро и беклярибек откохнет на летние пастбища. Чего ждать ему – новой зимы? Хан решительно шагнул из покоев, отправился по переходам дворца, готовя себя к предстоящим унижениям. Воины скрестили перед ним алебарды, как только он достиг комнат беклярибека. Старший охраны вышел навстречу Сафа-Гирею, поклонился с холодностью и без должного почтения, но Гирей скрепил своё сердце, произнёс спокойно, не теряя достоинства:

– Передайте своему господину, что казанский хан просит встречи.

Лицо воина скривилось, но ослушаться он не посмел. Вышел на удивление быстро и сказал слова, обрадовавшие Сафу:

– Беклярибек ожидает вас после обеда в Тронном зале.

В зал для торжественных приёмов хан вошёл стремительно. Стройный, подтянутый, с высоко вскинутой головой, он имел вид скорее победителя, чем побеждённого. Но приблизившись

к трону, где восседал беклярибек Юсуф, Сафа-Гирей почтительно склонился:

– Я приветствую вас, могущественный повелитель Мангытского юрта, а вместе с вами и весь ваш славный род, рождающий великих и мудрых правителей! – и уже тише добавил: – Здравствуйте, отец.

Его последние слова заставили дрогнуть старого беклярибека. Сафа-Гирей Юсуф не видел давно, с тех пор, как изгнанный из Казани в первый раз знатный отпрыск рода Гиреев прибыл в Сарайчик с ногайской женой Фатимой. Тогда Юсуф не мог знать, что этому красивому молодому хану с уловками дикого зверя суждено стать его зятем. Спустя пять лет Сююмбика, овдовев, приняла предложение Сафа-Гирея, и крымец возвысил её до старшей ханум, лишив высокого поста мать его наследников Фатиму. Весть тогда обрадовала Юсуфа. Больше всего на свете он желал счастья своей Сююм, надеялся на уважение и почёт, какие следовало оказывать дочери ногайского беклярибека. То, что Сююмбика жила с ханом Джан-Али в унижениях, Юсуф знал от послов и из редких писем самой ханум. Среди строк этих писем он с болью в сердце читал страдания дочери. А этот крымец, с почтительным видом стоявший сейчас перед ним, дал его Сююмбике всё – и уважение, и любовь. Одного не мог простить Юсуф – безрассудства крымца. Безрассудство, с каким Сафа-Гирей ссорился с великим московским князем, с каким пренебрегал осторожными советами и предупреждениями. И вот результат! Он – хан без юрта, а их сын, сын Сююмбики и Сафа-Гирея, может никогда не наследовать земель отца. Юсуф крепко сжал кулаки, так что побелели костяшки суставов. Вот этого он не мог простить Сафа-Гирею – его отношения к Сююмбике после изгнания из Казани.

Ногайский повелитель вскинул подбородок, сверлил взглядом продолжавшего стоять перед ним зятя. А тот вдруг предложил, и в голосе его беклярибек услышал молящие нотки. О, как

несвойственно было гордым Гиреям молить!

– Отец, прошу вас, давайте прогуляемся по саду.

Юсуф продолжал безмолвствовать, он пытался разгадать просьбу зятя. Что крылось за этим: дерзость, желание уйти от ответственности или нечто иное? Гнев мешал думать, и ногаец прикрыл непослушные веки, и только тогда понял замысел зятя: тот стремился увести беклярибека подальше от посторонних ушей, от мурз и нукеров, толпившихся у трона. Поразмыслив, Юсуф решил дать шанс Сафа-Гирею оправдаться, да и прав его неразумный зять, это семейный разговор, и чем меньше людей о нём узнает, тем будет лучше для всех. Кивком головы мурзабек отослал свиту и, не спеша, проследовал в сад. Следом за ним шёл Сафа-Гирей. Отстав на почтительное расстояние от обоих правителей двигалась личная охрана.

В запустелом саду у кустов роз, высаженных вдоль песчаной дорожки, возился седой садовник-китаец. Беклярибек постоял около старика, заложил руки за спину и медленно пошёл дальше. Он давал Сафа-Гирею возможность начать разговор первым, чем его зять и воспользовался.

– Я знаю, отец, – начал он, – что виноват перед вами и Сююмбикой-ханум. И единственное моё желание – загладить вину. Дайте мне воинов, беклярибек, и клянусь, уже этим летом ваша дочь воцарится в казанском дворце.

Юсуф остановился, задумчиво разглядывал расшитые носы своих ичиг.

– Прошу вас, отец, – ещё тише добавил Сафа-Гирей, – позвольте мне увидеться с Сююм. Слышал, она больна, моё сердце разрывается от беспокойства и тоски. Я очень люблю её, отец.

Ещё долго безмолвствовал Юсуф, в тяжком раздумье скользил взглядом по начинавшим распускать свои клейкие зелёные листочки яблоневым ветвям. Он видел и не видел их. Молчал и Сафа-Гирей, склонив голову и ожидая решения своей судьбы.

Голос доселе молчавшего беклярибека был хрипл и полон душевной боли:

– Ещё вчера, Сафа-Гирей, я желал срубить твою голову за бездарное правление, за то, что ты едва не погубил мою дочь! Но видно, есть у тебя, хан, свой ангел-хранитель, и, волею Аллаха, этим ангелом стала моя Сююм. Сегодня утром, больная, она поднялась с постели и отправилась ко мне. Она просила пощады для тебя. Тебя, недостойного целовать её следы! – Беклярибек с трудом подавил внезапно вспыхнувший гнев и продолжил: – И просила она, о чём просишь ты: дать тебе войско и отправиться отвоевывать Казанский юрт. Она просила сделать это как можно быстрее, потому что дитя, которое ханум носит под сердцем, должно появиться на Казанской земле. А дети, как ты знаешь, Сафа, не умеют ждать!

– Дитя?! – Казалось, разверзлись сейчас под ногами земля, и то Сафа-Гирей не был бы так поражён. – Сююмбика ждёт ребёнка? О Всевышний!

– Ты можешь призывать кого угодно, – ворчливо заметил старый беклярибек, – а я считаю чудом, что после всего, что она пережила в степи, ребёнок не покинул материнского лона. Значит, он будет цепко держаться за жизнь!

Юсуф улыбнулся и вдруг, вспомнив ещё кое о чём, добавил:

– Я дам тебе воинов, но одну клятву хочу взять с тебя.

– Поклянусь во всём, что пожелаешь, отец.

– Клянись, что если у ханум родится сын, свой трон завещаешь ему!

Гирей легко вскинул руку:

– Клянусь, это будет самым горячим моим желанием, и я всё сделаю для его исполнения.

– Ну, а теперь, – вздохнул Юсуф, – ступай к жене. Она уже заждалась.

Глава 22

Сафа-Гирей словно на крыльях взлетал по лестнице, ведущей в гарем беклярибека Юсуфа. Служитель едва поспевал за ним, семена короткими

ножками. Оказавшись в узком, скупо освещённом коридоре, Гирей каким-то неведомым чутьём угадал дверь любимой. Он в нерешительности остановился перед ней, рука скользнула по дверной ручке, ощутила все выпуклости железного кольца. Сафа даже прижался щекой к тёмному дереву, вслушиваясь в то, что происходило по ту сторону. Но в комнате стояла тишина, и хан толкнул дверь. Глазам его открылись покои, роскошь которых, казалось, вместила в себе все ценности этого дворца. За дорогим убранством виделось желание любящего отца вернуть дочери то, что она утратила, когда покинула Казань. Сама Сююмбика сидела у высокого стрельчатого окна на диване, обитом золотой парчой. На коленях ханум лежала раскрытая книга, но женщина не читала, задумавшись, прикрыла глаза. Она услышала звук скрипнувшей двери, повернула голову и замерла. Сафа-Гирей пожирал жадными глазами такое родное лицо, слегка осунувшееся, но оттого казавшееся ещё более близким и любимым.

– Сююмбика, – выдохнул он.

– Сафа! – Она протянула навстречу ему руки, и хан с нетерпением бросился к жене.

Он осыпал поцелуями ладони, лицо, опустившись на колени, осторожно провёл рукой по округлившемуся тугому животу, заметному даже в просторном шелковом кулмэке.

– Я уже не надеялся, что Аллах смилостивится над нами, дорогая.

Она засмеялась, скользнула ласковой рукой по недавно обритой голове мужа:

– Неужели ты считаешь, что ради этого стоило потерять целое ханство?

Он серьёзно взглянул на неё:

– Клянусь, моя любовь, клянусь тебе и будущему нашему ребёнку, ещё до осени я верну себе трон Казани.

Она обхватила его лицо узкими ладонями, наклонилась ещё ближе:

– Я верю тебе, любимый.

– И ещё клянусь, если у нас с тобой будет сын, я сделаю его наследником.

Сююмбика на мгновение замерла, в глазах мелькнула неуверенность:

– Казанцы могут не смириться с этим, ведь у тебя есть наследник – султан Булюк.

– Но Булюк не увидит Казани. Если он когда-нибудь вернётся в столицу, рядом с ним окажется его мать – Фатима. Сююмбика, долго ли тогда проживёшь на свете ты и твой сын?

Глаза ханум затуманились, она зажмурилась, сдерживая непрошенные слёзы:

– Ты прав, Сафа, теперь я должна думать о нашем ребёнке. Но дай Аллах долгих лет жизни тебе, дорогой!

В конце месяца раби-сани 953 года хиджры¹ вольное ногайское войско было готово выступить в поход. С берегов Итиля прибыла весть о воцарении на казанском троне хана Шах-Али. Весть эта поторопила Сафа-Гирея, и уже на следующий день хан-изгнанник возглавил ногайскую конницу. Его не страшил Шах-Али, судя по словам гонца, ставленник Москвы опять не пришёл к двору. Стоило касимовцу появиться под стенами Казани, как начались раздоры между москвитями и казанцами. Новый хан привёл к столице три тысячи касимовских казаков и тысячу стрельцов, а казанцы отказывались впустить воинов в пределы столицы. Шах-Али пребывал в опасениях и не хотел лишаться крепкой поддержки. Он несколько дней жил в шатре под стенами города, вёл бесконечные переговоры с казанскими карачи. Вельможи ханского дивана потрясали договором, кричали о его нарушении, согласно бумаге воинская сила извне не должна была переступать врат Казани. Наконец Шах-Али смирился и въехал в столицу лишь с сотней личной охраны. Не пустили в город и русского посла с воеводами, указали им поселиться в предместьи. Шах-Али исполнил и эти требования дивана, но казанцы не унимались, выдвигали всё новые и новые

условия. В подобном положении Шах-Али очень скоро почувствовал себя пленником, а не господином.

Полученные сведения порадовали Сафа-Гирея, Шах-Али оказался не таким уж желанным правителем для Казанской земли, и Гирей мог с лёгким сердцем выступать в поход, надеясь на успех. Беклярибек Юсуф благословил зятя на победу, сказал ему напутственное слово, а потише, только для его ушей, добавил:

– Помни о нашем разговоре, хан.

Сафа-Гирей склонил голову, как будто соглашаясь, но ничего не ответил. Беклярибек тяжело вздохнул, упрямым кривцом, может, и будет помнить о его предупреждениях, да недолго.

Ещё накануне беклярибек Юсуф пригласил к себе Гирея и говорил с ним о политике:

– Смири свою гордыню, хан, помирись с Москвой. Слишком сильна она стала, чтобы ссориться с ней. А нами, потомками Великой Орды, утеряна сила, которая держала в крепком кулаке улусы и завоеванные земли. Москва уже не помнит, как ездила кланяться в Сарай, как платила дань. Ныне мы сами друг другу враги, грызёмся, делим власть в собственных юртах, забыли о братстве тех, кто отвержен истинной вере, кто помнит заповеди Чингисхана. А Русь сильна. О, как выросла она с той поры, как ваш дед, могущественный Менгли-Гирей, побил татар Большой Орды! Ты думаешь, мне, старику, хочется ломать перед ними спину, э-хе-хе! Не за себя я боюсь, а за свой юрт. С таким врагом пусть лучше худой мир, чем хорошая ссора.

Говорил с зятем ногайский правитель и о крымцах, а ещё о свободолюбивых казанцах, не терпящих узды на своей шее. В чём-то Сафа-Гирей с ним соглашался, а где-то молчал, сдвигал недовольно брови. Одному Аллаху известно, последует ли казанский хан советам умудрённого долгой жизнью ногайца.

Конное войско двинулось из Сарайчика по караванному пути, испокон ве-

¹ Конец месяца раби-сани 953 года хиджры – конец июня 1546 года.

ков проложенному до Казани. Под стены столицы оно прибыло, когда Шах-Али уже провозгласили повелителем. Вставшие под стенами ногайцы взбудоражили город. За полгода казанцы подзабыли о вине Сафа-Гирея, а воцарение на троне ставленника урусов вновь воспринимали как личное оскорбление. В народе попрекали сеида Бейюргана, который пригласил на трон Шах-Али. Столица гудела два дня, и на предложение Сафа-Гирея открыть ворота эмиры и мурзы сломили нестойкое сопротивление касимовских воинов. Непрístupная крепость распахнула свои ворота. Хан Сафа въехал в Казань победителем, добыв город малой кровью. Но сабля Кучука требовала своей жертвы, и повелитель приказал доставить ему пленённых касимовцев и самого Шах-Али. Но сколько не искали свергнутого хана, так и не нашли. К Сафа-Гирею привели лишь прислужников, видевших изгнанника в плаще дервиша, когда в общей суматохе он скрылся по подземному ходу.

Москва узнала о перевороте и разгневалась, но её границам грозил крымский хан Сагиб, и юный князь Иван махнул рукой на Казань. Власть московитов над ханством была утеряна надолго.

Душным летним вечером Сафа-Гирей читал письмо от ханум. Сююмбика писала из Сарайчика, и речи, излитые на бумаге, разжигали огонь в душе: «Я умираю от тоски. Омут разлуки тянет меня на дно. Как хочю увидеть тебя, любовь моя! Пишу тебе днями и ночами, чернила кончаются быстрее, чем слова, которые хочу сказать тебе. О, если бы реки превратились в чернила, а прибрежный тростник в калям, смогла бы я тогда описать свою тоску и любовь?»

Гирей прижал к губам лист, хранивший аромат любимой. Он скучал по ней, по её глазам, улыбке, речам и даже их ссорам, вспыхивавшим как проблеск молнии и тонувшим в необузданной страсти. Ни одна женщина не дарила ему такой остроты ощущений. Ей он

был обязан самой большой любовью и самой сильной ревностью. Она была не такая, как все, она была равна ему.

Нарушив одиночество господина, вошёл Кучук. Оглан поклонился и промолвил:

– Повелитель, диван ожидает решения судьбы заговорщиков.

Гирей обернулся, суровое лицо уже не хранило отголосков любовных мечтаний.

– Чего же они ждут от меня? – с насмешкой спросил он у крымца.

– Они хотят просить о помиловании.

– О помиловании? – Хан рассмеялся. Не смеялись только глаза – стальные, полные ярости. – Узнаю казанцев. Сначала они устраивают свару, а когда дело доходит до расплаты... – Гирей не договорил, выхватил саблю: – Видишь, Кучук, этот клинок? Я обещал, что он испробует крови предателей. Они будут казнены твоим подарком, оглан! Так велю я, тот, кто стоит в этом ханстве превыше всех!

Видные сторонники Москвы – эмиры Кадыш, Чура-Нарык и Баубек испили чашу смерти на исходе лета. В те дни гарем хана Сафы пересёк границу казанских земель. К прибытию жён повелителя столица вновь блистала многолюдным оживлением, позабыв о коротком правлении Шах-Али и недавних ужасах, которые поглотили предводителей знатных родов.

Глава 23

Караван из кибиток ехал неспешно, со всеми предосторожностями и долгими остановками: берегли ханум, которой должен был прийти срок рожать. По приказу беклярибека Юсуфа, для дочери подобрали особую кибитку с мягким ходом. И в один из последних дней лета хан Сафа смог, наконец, обнять любимую жену и с торжеством в голосе объявить, что часть своей клятвы он выполнил:

– Теперь, Сююмбика, – добавил он, – дело за тобой. Будем ждать появления наследника.

– А если родится дочь? – с сомнением в голосе спросила ханум.

– Значит, следующим будет сын! – с уверенностью отвечал Гирей.

А Сююмбика испытывала большую тревогу. Она стала неповоротливой, непривычно медлительной, постоянно чувствовала недомогание и необоснованные страхи. Всё чаще она говорила:

– Я не переживу этот тягостный день, Джабраиль достигнет меня!

Напрасно её успокаивали все – лекари, служанки, повитухи и даже сам повелитель. Страхи не рассеивались. В эти дни спокойней всего ханум чувствовала себя с Фирузой. Златовласая красавица подолгу засиживалась в комнатах Сююмбики, ласково удерживала её за руки и в самых комичных словах и выражениях передавала, как она боялась рожать. Иногда свой весёлый рассказ младшая ханша прерывала затяжным кашлем. Этот кашель у Фирузы-бики появился после их зимнего бегства и со временем не прошёл, а только усиливался. Табибы и бабки-травницы перепробовали все способы, описанные в книгах целителей. Бику поили фасолевым маслом и чесноком, прокипячённым с топлёным маслом и мёдом, применяли согревающие растирания, особые настойки. Иногда наступало облегчение, но по прошествии короткого времени болезнь обрушивалась с новой силой.

– А ещё, ханум, – с улыбкой говорила Фируза, – я видела вас во сне. Вы держали в руке топор, а это верная примета, что родится сын.

Озабоченного лица Сююмбики, наконец-то, коснулся робкий луч улыбки:

– Ты правда в это веришь, Фируза?

– О, ханум, этот сонник – моя настольная книга! Я знаю наизусть половину толкований из него. И не было ничего, чтобы не сошлось, верьте мне.

В один из осенних дней ханум пожелала прогуляться по саду. Стояли прекрасные золотые дни, самые последние, какие бывают перед сезоном холодных дождей. Служанки внесли тёплые одежды, помогая госпоже обла-

читься. Разглядывая себя в большом венецианском зеркале, Сююмбика со вздохом вдела руки в отороченный мехом камзол, как вдруг охнула и присела на месте.

– Госпожа, что с вами? – Хабира, помогавшая ей, заволновалась.

Сююмбика вскинула на старшую служанку полные слёз глаза:

– Что-то кольнуло здесь, а теперь тянет в пояснице! – И тут же закричала, перепугав всех вокруг.

В покоях ханум начался переполох. Прислужницы заметались взад-вперёд, мешая друг другу, пока оторопевшая было любимая нянька госпожи Оянэ не шлёпнула первую попавшуюся под руку невольницу:

– Быстро за кендек-эби, и передай Джафар-аге, пусть сообщит весть хану!

Сама нянька бросилась помогать Хабире. Они подняли стонавшую ханум с пола.

– Помогите нам, Аллах, – шепнула Оянэ. – Кажется, началось.

И добавила успокаивающе лишь для ушей роженицы:

– Всё идёт как надо, госпожа, не бойтесь. Скоро придут повитухи и сам повелитель.

– И Фируза, – плачущим голосом добавила Сююмбика. – Я хочу, чтоб здесь была бика Фируза!

– Мы позовём всех, кого вы пожелаете, ханум! А сейчас мы с Хабирой перенесем вас и уложим в постель.

Хан бросил государственные дела и ворвался в покои старшей жены сразу вслед за повитухами. Сююмбика тут же вцепилась в руку мужа:

– О! Сафа, мне так больно! Наш ребёнок, он словно режет меня изнутри!

Сафа-Гирей, бледный от волнения, тем не менее, пытался пошутить:

– Должно быть, он будет выдающимся воином, моя дорогая, если ещё до своего рождения обзавёлся мечом!

Повелитель пытался успокоить жену, но глаза его с тревогой наблюдали за суетливыми приготовлениями повитух. Старшая из кендек-эби, тща-

тельно осмотрев госпожу, склонилась перед ханом:

– Повелитель, всё идёт своим чередом, и серьёзного повода для беспокойства нет.

– О, я умру! – простонала на своей кровати Сююмбика.

– Я не допущу этого, жизнь моя, – Сафа ободряюще сжал мечущиеся руки жены. – Я послал Кучука за старухой из твоего аула. Она однажды спасла тебе жизнь и сейчас не даст умереть.

Сквозь затуманенное схватками сознание Сююмбика спросила:

– А где Фируза? Она обещала быть рядом.

Одна из прислужниц открыла было рот, но тут же захлопнула его под жёстким взглядом повелителя. Сегодня утром стало известно: Фируза-бика при смерти. Ночью у младшей госпожи открылась сильная горячка, и табибы лишь огорчённо разводили руками. Хворь, которая завладела ханшей в том злополучном изгнании, достигла своего пика.

– Сююм, дорогая... – Голос Сафа-Гирея звучал успокаивающе. – Фируза-бика не знала, что ты вздумает рожать именно сегодня. Она упростила отпустить её проведать сына.

Меж двумя стопами ханум, мучительно пытавшаяся не терять нить разговора, переспросила:

– А где же солтан Гаяз?

– Разве ты не знаешь его страсть к охоте? Он отправился в Кабан-сарай.

Сююмбика попыталась улыбнуться сквозь слёзы, которые выступили на глазах от боли:

– Твой Гаяз-солтан настоящий охотник!

Сююмбике всегда нравился этот смысленный семилетний мальчик с повадками настоящего Гирея и с лицом своей красавицы-матери. Она не знала, что сейчас голубоглазый Гаяз не летел на скакуне, участвуя в облаве на кабана, а беззвучно плакал около умирающей матери.

Когда ханум, измученная схватками, на время забывалась коротким сном,

Сафа-Гирей приходил в эту светлую комнату с выходом в сад. Он прижимал к себе золотоволосую голову сына и вопросительно заглядывал в глаза главного евнуха. Джафар-ага лишь печально качал головой. Неотвратимая смерть нависала над ложем мечущейся в горячке женщины, но конец, который был бы избавлением от мук несчастной, никак не приходил.

К вечеру, когда страдания Сююмбика-ханум достигли своего предела, и болезненные схватки стали так часты, что повитухи принялись готовиться к главному, евнухи провели в покои роженицы старую знахарку. Суровая старуха тут же взяла дело в свои руки. Она осмотрела госпожу и уверенно заявила:

– Мальчик вот-вот появится на свет!

– Откуда ты знаешь, старуха, мальчик это или девочка? – вмешался Сафа-Гирей.

Знахарка быстрым взглядом окинула хана:

– Я ещё никогда не ошибалась, повелитель. А вам бы сказала, что роды женщины не зрелище для мужских глаз...

– Но я никуда не уйду и не покину жену, пока тяготы и страдания не оставят её, а я не увижу своего наследника!

К удивлению Сафа-Гирея суровая старуха согласно кивнула головой:

– Вы можете остаться, если желаете, повелитель, только не вздумайте нам мешать!

Гирей, непредсказуемых вспышек гнева которого опасались самые отважные воины ханства, поразился бесстрашной дерзости старой женщины. Но едва он пожелал достойно ответить повитухе, как Сююмбика громко закричала. Мучительный животный вопль рвался из её груди, прерываемый стонами и всхлипами, и знахарка возвестила:

– Пора.

Повитуха склонилась над постелью роженицы и энергично принялась за дело. Гаремная кендек-эби стояла за её спиной с белоснежным покрывалом и тёплой водой наготове. Спустя мгно-

вение старуха подняла мокрое красное тельце и шлёпнула по попке. Маленькие ручки тут же затряслись, и раздался звонкий крик младенца.

– У вас сын, повелитель! – коротко возвестила знахарка и передала мальчика повитухе.

Она заметила, в каком замешательстве находится хан от прошедшего перед его глазами зрелища, и сердито произнесла:

– Повелитель, что же вы не возьмёте на руки своего сына?! О, эти мужчины, всегда хотят одного! Вот вам ваш наследник!

Но Сафа-Гирей уже не мог сердиться на дерзкую старуху, он счастливо рассмеялся и принял на руки крохотное тельце сына:

– Сююм! Ты видишь? Слава Аллаху, он родился, наш сын, которого мы так ждали! Я назову его Утямышем. Добро

пожаловать в этот мир, будущий повелитель!

Сююмбика приподнялась с постели, с улыбкой смотрела она на светящегося неподдельной радостью мужа. А хан поднёс ребёнка к окну, поднял его повыше:

– Взгляни на этот город, на эту Землю, Утямыш-Гирей, они будут твоими! Живи же долго и правь казанским народом, наследник великого рода!

– Иншалла, – прошептала и ханум, прижимая руки к груди. – Пусть будет удачным твой путь, сынок. Будь неразлучен со своими подданными, стань с ними одним целым. Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного!

С появлением новой жизни мир преобразился, в нём заиграли яркие краски, и обоим венценосным супругам казалось, что впереди их ожидает долгое и счастливое правление.

